

ЛУЧ
СКАЗО
2015
ПРЕДС

УТЕРЯННЬ
СВИТК

Анастасия Юдина

Утерянные свитки клио

«Издательские решения»

Юдина А.

Утерянные свитки клио / А. Юдина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-007906-3

Под взором Божественной Твари прошла осень Ацтлана, когда полковник Григорьев ехал в поезде Москва — Берлин к капищу, где звучал полуночный зов, зовущий на последнюю битву с добропорядочными горожанами из Уппсалы, где шумит Стигфоссен, что возле златинского вокзала; за часы мастера Якоба сражались там сын дракона, Один, крестоносец и прокаженный; а осенью в Манчестере Вездесущий с серой гончей, инквизитором, чёрным коршуном, Жыном и де ла Ренном охотился за *beati possidentes* возле тихой речки.

ISBN 978-5-04-007906-3

© Юдина А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Сергей Буридамов. Под взором Божественной Твари	8
Сергей Буридамов, Анастасия Юдина. Кровавая осень Ацтлана	13
Александр Веселов, Григорий Родственников. Из личных воспоминаний полковника Григорьева	22
1	22
2	24
3	26
4	28
5	29
Александр Веселов, Григорий Родственников. Москва – Берлин	30
1	30
2	31
3	32
4	33
5	34
6	36
7	37
8	38
Анетта Гемини. Капище	39
Анетта Гемини, Кристоаль Хунта. Полуночный зов	46
Светлана Зотова. Последняя битва	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Утерянные свитки Клио
межавторский сборник
Анастасия Юдина
Сергей Буридамов
Александр Веселов
Григорий Родственников
Анетта Гемини**

*Авторы выражают искреннюю благодарность Екатерине
Граковой и Игорю Негатину за помощь в подготовке сборника.*

© Анастасия Юдина, 2016
© Сергей Буридамов, 2016
© Александр Веселов, 2016
© Григорий Родственников, 2016
© Анетта Гемини, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Однажды муза Клио, известная своей любовью к порядку, решила каталогизировать рукописи в личном книгохранилище. Перебрав сотню сундуков, в каждом из которых хранилось по пятьсот свитков, очаровательная дочь Мнемозины утомилась и отправилась отдохнуть на вечеринку к Аполлону.

Прекрасная Клио не знала, что, пока она наслаждалась театральными представлениями, состязаниями танцоров и певцов, в ее жилище пробрались завистливые гарпии. Они разорвали еще не разобранные рукописи на мелкие кусочки и выбросили их за дверь. Пролетавший мимо Борей, движимый самыми добрыми намерениями, сдул клочки пергаментов.

Одни улетели в море и спланировали на пиратский корабль, капитан которого, Григорий Родственников, был известен своей любовью к наукам.

Другие чуть было не упали в костер, что горел в волшебном лесу, но были в последний момент спасены сказочницей Анастасией Юдиной.

Несколько обрывков подобрала прекрасная кружевница Анетта Гемини, отправившаяся за новыми нитками для плетения чарующих историй.

Парочку клочков нашел у себя на рабочем столе инженер Александр Сержан и чуть было не перепутал их с обрывками ненужных чертежей, но вовремя спохватился и вытащил ценные рукописи из мусорной корзины.

Преподаватель Сергей Буридамов, известный своей рассеянностью, взял свитки на лекцию по истории вместо подготовленного конспекта, а потом долго удивлялся, почему в этот раз студенты полтора часа слушали, раскрыв рты.

Какие-то кусочки влетели в келью великого инквизитора Кристобаля Хунты, занятого составлением полной истории ересей, и отвлекли почтенного служителя церкви от богоугодных трудов.

Никогда не выходящий из сумрака Павел Шушканов – личность таинственная и загадочная – на сей раз изменил своим правилам и погнался за улетающими фрагментами пергаментов аж до самой радуги.

Известная путешественница Ирина Станковская нашла обрывки рукописей на вершине Эвереста, где суждено им было вечно пребывать в ледяном плену, не будь у Ирины с собой верного ледоруба.

Татьяна Осипова, работая в саду, наткнулась на клочки, повисшие на кустах чайных роз и, с опасностью для жизни, отняла пергаменты у ос и пчел, увлеченных чтением.

Специалист по этикету Константин Чихунов заканчивал вежливое обучение двух гопников тонкостям приличного поведения в тот момент, когда ему на руку спланировали принесенные весенним ветром листки. Константин немедленно углубился в изучение древних манускриптов, что спасло «учеников» от выставления «неудов» на лбу.

Прославленная своей дружбой с неупокоенными мертвецами отважная Марита Питерская обнаружила несколько обрывков в пастях вечно голодных зомби и обменяла ценные рукописи на толику свежей говядины.

Шпион международного класса, способный затмить самого Джеймса Бонда, известный под псевдонимом Александр Кеслер, был единственным, кто знал, какую величайшую ценность представляют рукописи Клио. Потому-то и похитил несколько обрывков из тайника, устроенного Доктором Кто в недрах необитаемого газового гиганта.

Александр Веселов – начальник СБ суперсекретного завода, производящего Терминаторов, – открыв поутру свой суперсекретный сейф, обнаружил там вместо руки робота несколько обрывков пергамента с надписями на древнегреческом языке.

Добрый звериный доктор Светлана Зотова проводила занятия по цигуну для трех пуделей, болонки и двух сиамских кошечек, когда опоздавший на тренировку попугай влетел в зал, держа в клюве несколько кусочков пергамента.

Как бы то ни было, после прочтения означенных свитков все упомянутые авторы забросили свои ежедневные труды и занялись восстановлением пергаментов, волею случая оказавшихся в их руках. Не будь злобных гарпий и легкомысленного Борея, ты, о читатель, не смог бы сегодня увидеть эти истории, и они так и пылились бы в сундуках прекрасной Клио.

Сергей Буридамов. Под взором Божественной Твари

Как правило, мысли о собственной никчемности возникают под вечер. Глупо ожидать от этого времени суток чего-то иного. Достаточно взглянуть на пламенеющий солнечный диск, нехотя опускающийся за море песка, как накатывают лишние, неудобные совести воспоминания.

В это время тишина получает полную власть над дворцом. Утихают крики священных животных, доносящиеся весь день из клеток во дворе; приглушенные голоса рабов и визгливые вопли наложниц становятся едва слышны, а вскоре и вообще исчезают. Наступает время полного спокойствия и безветрия. Жара медленно уползает под землю, уступая место ночному холоду. Сон – вот кто действительно правит моими землями до утра.

Бессонница – не лучшее времяпрепровождение. Мало того, что рождается ощущение, будто невидимый крокодил грызет твою душу изнутри, так еще глупые мысли отгоняют сон, который я заслужил вне всяких сомнений. Хвала богам, я не из тех, кто может мучиться до утра, не познав радости временного небытия. Нужно только подождать: совесть тоже устает и нуждается в передышке. Нужно только ждать.

Некоторое время я лежал, не шевелясь, пытаюсь ни о чем не думать и расслабить мозг, как учат наши Покровители. Но лишь только знакомые чувства расслабленности и покоя начали обволакивать меня, резкий звук из рощи за дворцом свел на нет все попытки уснуть. Мерзко выл шакал – сын Сета, бога-изгоя. Давно надо было завезти из Месопотамии свору огромных псов (мой тесть из Угарита обещал прислать самых сильных и злобных). Говорят, один запах этих собак способен держать трупоедов на расстоянии.

Шакал прогнал мой сон. Маги, ссылаясь на изыскания своих древних учителей, утверждают, что вопль остроухого – не что иное, как жалоба невинноубиенной души, молящей о мщении. Только дети да девицы верят в подобные рассказы, но, как известно, просто так никто ничего не придумывает.

Ничего не оставалось: я со вздохом приподнялся и сел на кушетку. Раб-зиндж, лежавший в углу, повернул ко мне черную бритую голову и спросил, не угодно ли чего хозяину. Немного подумав, я рассудил, что нельзя рабу спать, когда его хозяин никак не может заснуть. «Сходи за вином..., только тихо, не разбуди жен», – приказал я. Раб исчез, оставив после себя лишь кучу тряпья в пыльном углу. Я остался совсем один и почему-то подумал, что происходит это впервые за долгое время. Отец с детства приучал меня быть в постоянном окружении прислужников – мало ли что взбредет в голову нашему фараону. Когда вокруг уйма тел, копью или стреле, направленной в твою голову недоброжелателями, меньше шансов попасть в цель.

Итак, раб вернется не скоро – дворец велик. Я могу побыть наедине со своими неприятностями некоторое время. Пора привести мысли в порядок, ибо неорганизованное сознание доставляло мне всегда массу неудобств. Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что организовывать особо нечего – все то, что вертелось в голове, не имело четкого образа. Одно только чувство гадливого воспоминания. Но именно оно вызывало ни с чем не сравнимое ощущение собственной неполноценности, которое с определенного времени буквально каждый вечер захлестывало меня.

Я, кряхтя, поднялся и, шаркая босыми ступнями по прохладному мраморному полу, подошел к окну. Уже стемнело: бог Амон до утра исчез со своей ладьей, и небо подмигивало мне мириадами глаз. Шакала не было слышно, а ведь я даже не заметил, что он замолк. Вдали горели костры. Стража неусыпно охраняла дворец – несла службу справно, что было несо-

мненной заслугой моего воинственного деда. Я пристально вглядывался в темноту, надеясь увидеть хоть что-нибудь, способное отвлечь меня от самого себя. Все было спокойно, и единственное видимое в темноте – расплывчатые кляксы пальмовых крон – не отвлекало, а скорее убаюкивало. Мой ном спит. Жители видят сны. Интересно, какие сны видит божественный фараон: сны смертных вряд ли посмеют навесить его. Нет. Он видит золотые сны, в которых его боги-родители открывают перед ним тайны, недоступные никому из обременяющих землю. Только ко мне, недостойному владельцу восточного нома, что-то не спешит отпущенное богами сновидение. Я не мог провиниться перед ними. Где, как не в моих храмах, приносят самые обильные жертвы во всем Египте? Кто, как не я, не обижает людей и жалеет их так, словно находится перед ними в неоплатном долгу?..

Раб неслышно появился рядом. Почтительно поставив передо мной на землю глиняный кувшин, отполз в свой угол и затих.

Глоток молодого вина – лучшее средство против бессонницы и верный шаг ко сну. Однако в этот раз вино лишь подбодрило меня. «Спать в эту ночь мне не придется», – подумал я и удивился (впрочем, достаточно вяло) – никогда, даже во времена переговоров о мире с Морским Народом, сон не подводил меня и всегда приходил вовремя.

Ну что ж, придется поговорить с собой. Попытка не думать о том, о чем думать не стоит, провалилась так же, как и попытка уснуть. Эта ночь будет стоять мне года жизни.

То, что не должно было происходить, относилось к началу моего правления. Доставшаяся мне власть в восточном номе была куплена несколькими смертями, впрочем, бывшими необходимыми. Трое заколотых мечами вельмож, среди которых был и брат отца, – небольшая цена по меркам времени. Достаточно вспомнить море крови, пролитого нынешним фараоном, которое затопило весь Нижний Египет. Передача власти моей особе произошла достаточно быстро и тихо. Покровители отнеслись к этому спокойно и с пониманием. Справедливый и умный сын старого номарха был им нужнее, чем его воинственный брат, в чьи планы входило ввязаться в верхнеегипетские войны. Войны никто, кроме моего дяди, не хотел.

Когда трупы из тронного зала выволокли крючьями и выбросили в Нил, я, помнится, равнодушно оглядел собравшихся. Вельможи и стоявшие в задних рядах рабы молча смотрели на меня. Все ждали первых слов нового хозяина. «Боги хотят, чтобы номом правил я. Закон и порядок восстановлены. Занимаемые вами, вельможи, должности остаются у вас. Завтра устраиваю праздник: всем жителям и гостям нома объявить о новом правителе и раздать из храмовых кладовых по кувшину с вином и по блюду с лепешками», – произнес я. Слова давались легко, а волнения не было. Все прошло именно так, как должно было. Так началось мое правление. На поверхности реки времени ровным счетом ничего не вспенилось. Покровители были довольны, а народ процветал.

Вскоре меня посетил дальний родственник из южного нома. Старый и опытный правитель заключил со мной союз против Народа Моря, с ног до головы засыпав дарами. Мы сидели вдвоем в тронном зале, обсуждали дела в Нижнем Египте и пытались выгадать, чем они обернутся для нас. Родственник советовал, пока не поздно, поддержать жрецов в их споре с божественным фараоном – это очень помогло бы нам укрепить самостоятельность наших владений. Родственник все время повторял «наше», «наши», «для нас», чем изрядно тревожил меня. Каждого человека Чистой Крови с рождения учат не доверять людям. И, особенно, союзникам. Верить можно лишь богам и Покровителям. Разговор явно затягивался.

Один из старых рабов, прислуживавших нам за столом, тащил со своим молодым помощником огромную бадью с вареным мясом. Дряхлый и подслеповатый, он давно должен был быть отправлен в храм Сета на Последнее Служение, ибо только самые исполнительные и сообразительные рабы могли быть приписаны ко дворцу. Почему этого не произошло – я так и не узнал. Зато узнал, что старый дурень довольно неуклюж. Он споткнулся

и выплеснул содержимое прямо на мои ноги. «Он сделал это нарочно», – такая мысль возникла во мне в ту же секунду и в тот же миг исчезла, смытая белой яростью.

Боль ослепила меня. Клубящееся варево превратило мои голени в одну огромную алую язву. Мир на мгновение исчез, а когда я пришел в себя, то первым увиденным стал мой меч, занесенный над трясущейся старческой головой. Нисколько не задумываясь, я стремительно опустил его на хилую, морщинистую шею раба. Голова болвана отлетела от туловища, а само обезглавленное тело, немного постояв, опало на землю.

Я попытался встать, но боль от ожогов завладела мной. Она хотела, чтобы я начал плясать и выть, словно раненый пес. Да, я бы сделал это, но, даже сквозь пелену слез, мне был виден внимательный и оценивающий взгляд моего гостя. Старый хрыч следил за мной, и я не мог позволить себе стать тем, кем он хотел меня видеть – хнычущим и вопящим подростком. Поэтому я вновь сел на парадный стул и улыбнулся. Номарх с юга участливо спросил о чем-то. Боль была такова, что я не слышал его голоса. Я лишь снова улыбнулся и кивнул, надеясь, что делаю все правильно.

Но это было лишь начало...

Женщины усердно, стараясь не дотрагиваться пальцами до язв, обматывали мои голени легкой тканью, пропитанной чем-то целительным.

Мой гость, переживавший за меня чересчур громко, рассказывал историю, как его облил кипящей водой младший брат, у которого был свой взгляд на то, кому быть новым номархом Юга. Я слушал его подчеркнуто внимательно – это помогало отвлечься от боли. Я чувствовал себя так, будто кто-то содрал с моих голеней кожу и посыпал их солью.

Тело еще не убрали, хотя за рабами было послано. Отрубленная голова лежала посреди зала. Лицо старого дурня смотрело вверх и выглядело виноватым. Кровь впиталась в песок, которым женщины посыпали зал, и пока не воняла.

«О, великолепнейший бог Сет!» – взмолился я про себя. – «Пусть душа это болвана будет вечно страдать в твоих подземных залах».

Про себя я злился на рабов-зинджей, что никак не шли. Но лишь я вновь послал за ними, как двери распахнулись, и в зал вошел Покровитель. От изумления все застыли. Затем рабыни, шурша и шепчась, скрылись, словно их и не было. А мы – я и номарх Юга – встали на колени (а вы представьте, чего мне это стоило!) и поклонились Божественной Твари.

Покровитель поприветствовал нас взмахом того, что можно было бы назвать рукой. Его жучиные глаза смотрели во все стороны одновременно. «Зоркие, как у орлов, и пустые, как у крокодилов» – так говорил мой отец про очи Покровителей.

– Приветствую тебя, Божественная Тварь! – сказал я. – Рад видеть тебя в своем доме.

Покровитель слегка кивнул огромной головой. Затем он подошел к труп раба и вопросительно указал на него.

– Прости за беспорядок, Божественная Тварь, – извинился я. – Сейчас должны прийти рабы и утащить это прочь.

Мой гость с Юга угрюмо молчал. Я его понимал – этот визит был неожиданным и не к месту. Однако от нашего желания ничего не менялось. Покровители являлись без приглашения куда хотели и когда хотели. Не было мест в нашей благословенной стране, закрытых для Божественных Тварей. Так было всегда. И такова была воля богов.

А потом произошло странное и ужасное. Покровитель низко наклонился и дотронулся до тела рукой. Мы с номархом Юга испуганно переглянулись. И было отчего изумляться: труп старого раба зашевелился. Руки и ноги его беспорядочно двигались – омерзительно и противоестественно. Затем мертвец встал, спотыкаясь, подошел к лежащей на полу голове. Стоит ли удивляться тому, что умертвие желало вернуть свой прижизненный вид? Оно под-

няло голову и приспособило ее чудесным образом к шее. Все это время Покровитель наблюдал за происходящим, шевеля жвалами.

Наконец, мертвый зиндж справился с головой. Теперь старик выглядел вполне живым, не считая уродливого шрама, опоясывающего его шею. Лицо мертвеца было печальным и задумчивым.

– Я забираю его, – сказал Покровитель. Как и всегда, рот его, лишь отдаленно напоминавший человеческий, оставался неподвижным.

Я покорно склонил голову. Божественная Тварь пошла к выходу. Следом за ним, спотыкаясь и шаркая старческими ногами, ушел оживленный раб. Мой раб.

Спустя два дня южный номарх уехал в Нижний Египет, и я был рад его отъезду.

Голени поболели, покрылись коростой и через несколько недель зажили. Остались на коже лишь белые пятна. Все забылось и отошло в прошлое, казалось мне, если не навсегда, то, хотя бы, до старости, когда, как известно, посещают тебя всевозможные гнусности: начиная от болезней телесных и кончая душевными расстройствами, проистекающими от подлости совести.

Однако самообман никогда не выручает смертного. Чем дальше в прошедшее проваливалось время, тем чаще внутри меня что-то происходило. Как правило, днем мне было не до этого: началась череда войн всех со всеми, не проходило и недели, чтобы не появлялись новые враги, а старые становились союзниками. Покровители не вмешивались, как это было в прошлые разы, лишь изредка появляясь при дворе фараона. Я объезжал со свитой владения, приобретенные моим оружием; советовался с вельможами; договаривался о мире и объявлял войну; присутствовал при жертвоприношениях в храмах; карал преступников и одарял милостью благочестивых – словом, окунался в пучину повседневных забот. Однако вечером я, хотел того или нет, даже в обществе жен оставался наедине с внутренним голосом, ждущим, подобно терпеливому льву в зарослях, весь день свою добычу. И приходили образы, яркие и непонятные...

Прошло четыре года, а эти образы стали до умопомрачения четкими. Вот и сейчас, когда стою я возле окна и будто бы смотрю на темные силуэты пальмовых крон на фоне звездного неба, картины прошлого пользуются моими глазами. И вижу я дрожащую старческую шею, покрытую сеткой морщин со скопившейся в них пылью, покорно склонившуюся передо мной. Ярость, овладевшая мною в тот день, обрисовалась острым мечом, который держит мою руку и требует пищи. И вижу я кровь, быстро расплзающуюся красным облаком в разные стороны от раскромсанной шеи старого и никому ненужного раба. Агония не была долгой – дряхлое тело сразу смирилось со своей смертью.

А затем приходит образ Божественной Твари, молча и пристально смотрящей на меня. Умом я понимал, что знать, куда именно направлен взор Покровителя, невозможно. Но сердце мое подсказывало иное. Плыли перед внутренними взорами удивительные и страшные картины. Божественная Тварь вновь подходит к трупам старика. И вновь оживает его – уже в моей беспокойной памяти.

Обычно мучения мои продолжались не более часа, после чего я спокойно засыпал. Однако и часа хватало на то, чтобы я проклял тот день, когда пролил кровь старика, и себя, глупого юнца, не способного справиться со своей яростью. Мне не было жалко раба – он провинился и был справедливо наказан, но чувствовал я, что поступок мой каким-то необъяснимым образом повлиял на будущее. Покровитель это знал. Я пытался спокойно разобраться в причинах столь прискорбного поведения совести, но спрашивая себя, в ответ слышал только эхо, гулко разносящееся по обветшалым коридорам моего сознания. О, с какой радостью встретил бы я того Покровителя и спросил его о том дне!

Я отхлебнул из кувшина и поставил его на пол. Молодое вино успокаивает нервы – так утверждает дворцовый лекарь. Надеюсь, это так, ибо единственное, что нужно сейчас – это

успокоиться и попытаться заснуть. Только сон подарит мне свободу от глупости, таящейся в размышлениях о себе. Но сначала допью вино. И, пожалуй, прикажу зинджу принести еще пару кувшинов.

Я отвернулся от окна и подошел к уже заснувшему рабу.

– Раб!

Тот мигом пробудился, вскочил и преданно уставился на меня. И вот тут-то случилось неожиданное, не поддающееся никакому объяснению.

Никогда я не делал подобного тому, что произошло в этот миг. Верно, пропустил я что-то, не заметил, как перестал быть собой.

Я внимательно посмотрел на зинджа и спросил:

– Как тебя звали, когда ты еще не принадлежал моей семье и жил на своем острове Аз-Зиндж?

Раб изумленно и испуганно посмотрел на меня.

Затем ответил:

– Меня звали Зургу, хозяин.

Я стоял перед ним, пытаюсь понять, зачем мне это знать. У рабов нет имен. Ведь сказано: «Раб с именем – раб наполовину». «А, впрочем, какая разница? Призывать раба так будет удобнее», – подумал я.

Я помолчал, глядя на него, и, наконец, промолвил:

– Ты – хороший раб, Зургу. Принеси еще вина. И побыстрее!

И когда раб вернулся, то увидел меня спокойно спящим. Так спят только люди, не видящие сны. Зиндж Зургу поставил кувшин на пол и поплелся в свой угол. А глубоко в моем сознании Божественная Тварь одобрительно покачала головой.

Сергей Буридамов, Анастасия Юдина. Кровавая осень Ацтлана

Верховный Жрец, крихтя, вылез из носилок и направился к парадному входу императорского дворца, поддерживаемый под руки младшими жрецами и сопровождаемый целой свитой телохранителей и помощников.

Проходя по когда-то великолепному саду повелителя народа воинов – могучего Ауисотля, – старик остановился и покачал головой. Трава пожелтела и пожухла; деревья больше не радовали взгляд пышной листвой, а протягивали к безжалостному бледно-голубому небу сухие руки-ветви; прозрачные воды искусственных озер и ручейков превратились в липкую бурую грязь; земля растрескалась и покрылась коростой, как кожа больного проказой.

Злая засуха, уже второй год бесчинствовавшая на землях великолепного Теночтитлана, добралась и до императорского дворца.

Сколько людей приходило в храмы и город из когда-то плодородных долин и тенистых речных пойм, ставших сухими и омертвевшими! Бедняги шли и шли: из дальних и ближних деревень и поселков. Мирные жители несли за спинами детишек и стариков, у которых уже не оставалось сил идти; а потом и сами, изнемогая под непосильной ношей, падали замертво возле ворот. И грифы набрасывались на них, вырывая куски мяса из тел еще живых людей.

Верховный Жрец храма бога засухи Тошкатля («О, Великий! За что ты прогневался на свой народ?») каждый день посылал стражников и молодых жрецов на дорогу, чтобы попытаться спасти тех, кого еще можно было спасти. Но увы, иногда помощь приходила слишком поздно.

Ицтликоатл посмотрел на небо – оно было все таким же голубым, словно выцветшая ткань женских одежд, – и безжалостным: ни тучки, ни облачка. Яркие лучи стоявшего в зените солнца жалили и без того измученную землю. Старик подумал, что если приложить ухо к растрескавшейся поверхности, можно услышать стоны и плач Великой Матери всего живого.

Жрец двинулся по выложенной камнем дорожке к императорскому дворцу: негоже заставлять владыку Ауисотля ждать.

Молодой император вскочил, но тут же, повинувшись знаку Знающего Ритуалы, снова уселся на высокий каменный трон, украшенный изображениями священных животных, бога-змеи и покровителя народа воинов – ягуара.

– Ты плохо молишься своему богу, Верховный! – воскликнул Ауисотль. – Разве нет у тебя в храме отборного зерна и лучшего вина, чтобы приносить жертвы богам? Разве недостаточно у тебя крепких пленников, чтобы содрать с них кожу черным обсидиановым ножом во славу Тошкатля? Когда уже твой бог сменит гнев на милость? Когда прольется на наши земли животворящая влага дождя? Когда снова наполнятся водой реки и пруды, а земли покроются травой и цветами?

– О владыка ягуаров! И я, и мой собрат – Верховный жрец бога дождя Тлалока – каждый день, на рассвете, восходим с нашими помощниками и младшими жрецами на вершины храмов-пирамид, дабы вознести молитвы богам и принести им жертвы. Земное воплощение Тлалока просил моего согласия на проведение совместного жертвоприношения и молений в день 3 Оцелотль. Это – священный день, когда боги Солнца и Луны проводят на небосводе равное время, а на следующее утро бог Солнца дарит младшему брату несколько мгновений, жертвуя днем ради ночи. Но если господин и брат мой имеет в своем распоряжении достаточно прекрасных и здоровых, без единого изъяна, юных девочек и мальчиков, чтобы про-

лить кровь их во славу божества, то я содрал кожу с последнего дарованного тобой пленника еще две недели назад. Тошкатлю угодна горячая кровь отважного воина, захваченного в бою, но нет его у меня, – и Ицтликоатл, склонив седую голову, завернулся в мантию, сделанную из выдубленной кожи последней жертвы.

Ауисотль обернулся к группе советников, стоящих чуть слева и позади трона.

– Что слышу я? Неужели нет в крепких темницах и потаенных пещерах пленников, чтобы принести их в жертву?

Почтенный Тлакаелель – «младший брат» императора, крестьянский сын, достигший немыслимых высот на ступеньках великой пирамиды славы и богатства, – вышел вперед.

– О ягуар и сын ягуара! Уже второй год наши отважные воины сидят внутри городских стен или в своих деревенских поместьях, не помышляя о битвах. Ныне их заботит лишь благополучие жен и детей, умирающих от жажды и голода. Все же военнопленные, которые были у нас, давно переданы Верховному Жрецу и, как ты сам сейчас слышал, уже принесены в жертву.

– Но если не будет пленников, значит, не будет и жертв! А тогда боги не смиростивятся над нами! И всех нас – и крестьян, и женщин, и слабых детей, и немощных стариков, и воинов-ягуаров, и тебя, о Младший Брат, – ждет страшная смерть! Ступай же, скажи великому воину и предводителю Куохтлиотлу: пусть соберет он своих бойцов и готовится к битве! – и, обернувшись к жрецу, юноша-император добавил: – Возвращайся в свой храм, почтенный! Будут тебе пленники.

Предводитель Куохтлиотл стоял по пояс в воде, надежно укрывшись в зарослях камышей. Уже несколько раз вокруг него описывала круг черная водяная змея, но военачальник не обращал на нее внимания. Он пристально рассматривал противоположный берег, где пригодно раскинулся небольшой приграничный город сапотеков.

Было раннее утро, и жители только пробуждались от сна. Куохтлиотл отчетливо слышал веселые крики детей, громкие гортанные голоса женщин и лай собак. Он втянул носом воздух и ощутил запах маисовых лепешек, что пекли преданные жены и заботливые матери.

«К вечеру нежные женские руки будут болтаться на поясах моих воинов, а сердца мужчин будут пожраны храбрейшими».

За его спиной в камышах неподвижно затаились пятьсот отборных ацтекских воинов, полностью укрытых от случайного взгляда, брошенного с другого берега.

Куохтлиотл знал, что с севера город надежно защищен невысокой стеной из обожженной желтой глины. Для большой армии это была незначительная преграда, но малому отряду следовало действовать разумно. Предводитель прошел долгий путь воина и не раз видел, как лучшие погибали из-за глупости и гордыни военачальников.

Он не собирался допускать ошибок, потому и решился на хитроумный шаг. Его воины нападут на городок сапотеков рано утром, и оттуда, откуда никто не ждет – с реки. За два часа, что Куохтлиотл провел в камышах, он не увидел ни одного стражника. Воины охраняли подход с суши, и правитель города не предполагал, что опасность может явиться из воды.

«О, отец всех воинов Уицлипоцтли, – мысленно воззвал Куохтлиотл. – Пусть в этом городишке найдется Избранный. Пусть он будет тем, кого я смогу привести к моему господину и возрадовать его сердце. И пусть кровь этого пленника умилюстит владыку засухи Тошкатля и подарит нам Небесную Воду. Много Небесной Воды для нашего великого народа!»

Предводитель поднял ладонь. Рядом с ним, словно из ниоткуда, возникли двое воинов. Это были командиры отделений Орлов и Ягуаров – лучших бойцов владыки Ауисотля. Куохтлиотл воспитал обоих и научил убивать. Из его рук эти воины впервые приняли обсидиановые мечи, и каждому из них он самолично сбрил пучки волос на затылке после того,

как они взяли в бою своих первых пленников. Эти двое понимали его с полуслова, и Куохтлиотл знал, что именно им он доверит охрану будущей священной жертвы.

Когда предводитель думал о Великом Приношении, в его сердце разгорался жар. Воин мечтал как можно скорее увидеть того, кому предстояло отдать свою кожу, мясо и сердце великому Тошкатлю. Бог засухи жаждал крови и не терпел промедления. Иногда Куохтлиотлу казалось, что он чувствует эту жажду, и в эти мгновения военачальник мысленно осаживал себя. Думать, что ты соперничаешь желаниям богов, – святотатство. Это право принадлежало лишь избранным жрецам – старому Ицтликоатлу и его собратьям.

– Пора начинать, – прошептал Куохтлиотл. – Когда вступите на берег, разбейтесь на две руки и продвигайтесь к храму. Помните, дети мои, чего боги ждут от нас. Не разочаруйте их и меня!

Спустя мгновения из камышей на простор реки выплыли без малого пять сотен небольших плотов, на каждом из которых лежал на животе воин, загребаящий руками мутную воду. В полной тишине ацтеки переправлялись на другой берег, устремив взгляды на город, еще не ведающий о приближающейся беде. Первые женские вопли раздались уже тогда, когда плоты с воинами миновали половину пути.

Город взорвался криками. Засвистели в воздухе стрелы сапотеков, и некоторые нашли свою цель. Вода под плотами пятерых воинов, плывших сразу за Куохтлиотлом, окрасилась красным. Предводитель стиснул зубы.

«Пусть видят боги, на что мы идем ради их благоволения!» – подумал он, яростно загребая руками воду.

Берег приближался: среди мечущихся в панике женщин и детей стали мелькать фигуры в доспехах, украшенных перьями. Сапотеки выстраивались во фронт, ошестинившись длинными копьями с обсидиановыми и костяными наконечниками. Однако воины явно не были готовы к нападению с реки: среди бойцов сновали командиры, пытавшиеся пинками и руганью навести порядок.

Битва закипела еще в воде, на подступах к берегу. С леденящими душу воплями бились свирепые Ягуары и Орлы, заливая кровью себя и врагов. Все больше воинов-ацтеков спрыгивали с плотов и вступали в битву, стоя по пояс в реке. Жаркое утреннее солнце пекло плечи и руки сражающихся: пот мешался с кровью и мутными ручьями стекал в воду.

Куохтлиотл одним ударом короткой обсидиановой палицы проломил голову юному сапотеку. Ацтеки теснили противника, и бой разворачивался уже на самом берегу, между убогими лачугами, что собрались, как испуганные детишки, возле воды. Однако это не радовало ожесточенное сердце предводителя. Он окинул взглядом побоище и увидел то, что ему совсем не понравилось. Сапотеки бились слишком храбро. Уже сейчас было ясно, что у защитников города не было ни единого шанса отбить атаку ацтеков. Но враги сражались отважно, поливая кровью каждый клочок земли. Эта ярость распалила ацтеков: воины, не в силах сдерживать порывы сердца, добивали раненых. Пленных никто не брал.

«Отец всех воинов Уицилопочтли, отними у сапотеков храбрость. Пусть они побегут!» – взмолился Куохтлиотл. – Если они и дальше будут умирать так храбро, мои воины не смогут сдерживать зверя в своем сердце. И мы не сможем найти избранную жертву среди сапотекской падали».

Город пал к полудню, когда бог Солнца разжег свой венец в полную силу. Повсюду раздавались крики и стоны. Горели лачуги и дома купцов. Даже небольшой храм, что стоял посреди города, был окутан дымом.

Куохтлиотл оказался прав. Божественный Зверь в сердцах ацтеков требовал пищи. И хотя воины-сапотеки встретили свой доблестный конец, и некому было противиться

захватчикам, теперь уже жители города гибли под ударами копий, мечей и дубинок воинов-ягуаров. Они не щадили никого: с хриплыми проклятиями и звериным рычанием метались по городу отряды обезумевших от боя и запаха крови ацтеков, собирая урожай человеческой плоти. Куохтлиотл пытался остановить бойцов, но воины словно лишились рассудка: ныне их вела великая жажда.

Ярость и ненависть к упрямым защитникам сделали свое дело. К вечеру ни одного жителя города не осталось в живых. Лишь выпустив кишки последнему старику и раскроив череп последнему младенцу, ацтеки вспомнили, ради чего они явились на границу. И тогда печаль горьким дымом окутала воинов Ауисотля. Они не смогли унять зверя в сердце и добыть жертву для повелителя засухи Тошкатля.

– Господин мой, – обратился начальник Ягуаров к предводителю. – Покорнейше прошу отдать тех дев моим бойцам. Я хочу наградить наихрабрейших.

Куохтлиотл кивнул и усмехнулся. Он презрительно посмотрел на десяток дрожащих от страха селян обоего пола, сбившихся в кучу на маисовом поле. Их деревня была сожжена, а все жители старше двадцати пяти вёсен – убиты. Предводитель был доволен: на этот раз всё прошло как надо, и ворвавшиеся в село воины-ацтеки нашли в себе силы справиться с внутренним зверем. Теперь Куохтлиотлу было с чем вернуться в столицу.

После уничтожения городка сапотеков душой предводителя овладели желчь и печаль, недостойные истинного воина.

Что делать ему дальше, после такого проступка? Вернуться в столицу ни с чем? Тогда его ждет позорная и страшная казнь. Его кишками накормят уличных псов, а кости раздробят и развеют в порошок, прогнав его душу из священного города Верхнего Мира. Или?.. Он молился мудрому богу мертвых воинов Теояомкуи, прося дать совет и подсказать: как поступить? И знамение от бога пришло: это оказалась маленькая деревушка прямо на границе меж землями священного народа Ацтлана и презренных сапотеков.

– Господин, это не сапотеки, – услышал Куохтлиотл тихий голос.

Предводитель нахмурился и повернулся к слуге Золину.

– Что ты плетешь, дурень? – хмуро спросил воин. – А кто же это, если не те, за кем мы пришли?

Золин втянул голову в узкие плечи и, зажмурившись, произнес.

– Господин, это ацтеки. Я видел у мертвой старухи выколотое на коже имя богини похоти.

– Хм, Ишкуина, – задумчиво произнес предводитель ацтеков. – Пожирательница грязи... Здесь наказывают потаскух так же, как когда-то делали у нас. Значит ли это, что эти безродные скоты – тоже священный народ, как и мы?

– Думаю, да, господин, – прошелестел Золин.

– Ты кому-нибудь об этом сказал? – предводитель посмотрел в глаза ничтожному, съевшемуся под суровым взором воина-ягуара. – Кто-нибудь, кроме тебя, видел эту татуировку?

Слуга покачал лысой головой, преданно глядя в глаза хозяину.

– Твои глаза были слепы. Твои уши были глухи. Ты ничего не видел и не слышал, – медленно произнес Куохтлиотл. – Мы взяли в плен сапотеков. И если ты проговоришься, то я лично сниму с тебя шкуру: по одной полоске каждый день в течение половины шага луны.

– Да, господин, – послушно согласился слуга. – Я обознался, клянусь богиней Айаутеотль.

Предводитель погрузился в раздумья. Боги не просто так явили ему эту деревню: это был знак, возможность загладить свой проступок. Отважному ацтеку было стыдно, что он

не смог удержать своих воинов от кровавой резни в том безымянном городке. И теперь он, Куохтлиотл, предводитель лучших воинов Ацтлана, может исправить все.

Он посмотрел на испуганных полуголых пленников.

«Никчемное мясо, – подумал Куохтлиотл. – Не пройдет и священного месяца, как каждый из вас будет освежеван на вершине пирамиды, а в плащах из вашей кожи будут щеголять старшие жрецы».

Впрочем, пораженными страхом выглядели не все. На земле лежал юноша, лицо которого было покрыто запекшейся кровавой коркой. Рану на его голове зажимала ладонью юная крестьянка, тщетно старавшаяся унять бегущую кровь.

«Храбрый воин. Сильный, как ягуар».

Внезапно предводитель вздрогнул: сквозь кровавую маску, покрывавшую лицо юноши, предводитель ацтеков увидел взгляд пленника, полный ненависти и ярости.

«А он отважен и смел!» – уважительно подумал воин и, повернувшись к слуге, произнес:

– Пусть перевяжут голову этому сапотеку, – и добавил, впервые за много дней улыбнувшись. – Кажется, мы нашли священную жертву для Тошкатля.

Старый жрец, опираясь на копье, прошел вдоль ряда пленников, стоявших в храмовом дворе под охраной воинов-ягуаров и стражников бога Тошкатля. Все сапотеки были отважными воинами, они не сдались без боя: об этом свидетельствовали их раны. У кого-то перевязана рука, у других – свежие полосы желтоватой целебной мази на торсе. А у самого молодого – высокого, мускулистого парня – окровавленные волосы прилипли ко лбу. Юноша, почти мальчик, едва держался на ногах, но не склонял головы перед победителями.

Ицтликоатл оборачивается к храмовому лекарю.

– Окажи им помощь, почтенный. Это – смелые и отважные воины, они заслужили наше уважение. Вы же, – это уже младшим жрецам, – проследите, чтобы пленники были удобно размещены в гостевых домах, и чтобы у них было все необходимое: вкусная еда, выдержанное вино и прекрасные девы, чтобы усладить ночи тех, кто очень скоро взойдет по небесной лестнице и передаст наши молитвы богам засухи и дождя... Передай мою благодарность могучему повелителю народа ягуаров, великому Ауисотлю, – старый жрец склоняется перед предводителем Куохтлиотлом, лично приведшим пленников в храм.

Вернувшись в свой дом, расположенный к востоку от жертвенной пирамиды, Говорящий с Богом обращается к старшим и младшим жрецам, послушно следующим за господином.

– Всего одна священная неделя – тринадцать восходов и закатов – осталась до великого дня 3 Оцелотль, когда братья-боги Солнце и Луна пребывают равное время на небосклоне. Согласно традициям, пленники должны провести при храме священный год до того, как я черным обсидиановым ножом срежу с них кожу на вершине пирамиды. Но у нас нет этого времени. Поэтому сделайте все необходимое, чтобы подготовить первого, кто взойдет по небесной лестнице, к нужному дню. И отправьте гонца к брату моему – Верховному Жрецу и воплощению бога Тлалока: пусть он обратится к своему повелителю в тот же день и час, когда мы будем взывать к Тошкатлю.

– Но кто станет первым, о Верховный? – почтительно спрашивает Ицтликоатла один из младших жрецов.

– Самый отважный и смелый! И самый юный. Рана на голове – свидетельство того, что этому сапотеку не ведом страх. Вы узнали имя пленника?

– Илхикамина, господин мой.

– Лучник, стреляющий в небо. Достойное имя для достойного противника. Такая жертва будет угодна нашему богу. Идите же, у вас много дел, – и Верховный взмахом руки отпускает жрецов.

Прекрасная Коаксок, завернувшись в алый плащ, спешит по искусно выложенной каменной дорожке к домикам пленных. Ночь уже вступила в свои права, над горизонтом поднялась лодка бога Луны, окрасив прекрасный Теночтитлан в цвета серебра и колдовства.

У стены, окружающей храмовую территорию, девушка останавливается и смотрит с высоты на родной город. Темнота скрыла страшные шрамы, нанесенные рукой безжалостного бога Тошкатля: не видно безлистных деревьев, растрескавшейся земли, пожухлой травы, обмелевшего священного озера. Теночтитлан, как и прежде, правит Атцланом, высокомерно оглядывая подвластные земли с высоты.

Увидев почтенного Ицтликоатла, Коаксок склоняется в низком поклоне.

– Доброго тебе часа Совы, дочь моя, – ласково произносит старик. – Кто из наших пленников сегодня позвал тебя к себе на ложе?

– Илхикамина, о господин мой.

– Ты ведь не в первый раз идешь к нему, милая радуга?

Коаксок кивает.

– Отважный лучник сражен твоей красотой. Будь же и ты добра к нему. Он – смелый воин и достоин твоего внимания. Пусть твои ласки заставят его забыть о полученных ранах, о том, что жизнь его прервется через несколько дней на алтаре бога Тошкатля. Подари юноше свою страсть, дай насладиться любовным искусством, которым ты владеешь в совершенстве. Но смотри, чтобы сердце твое не попало в плен к отважному сапотеку, не дай себе полюбить его.

– Господин мой, я помню наставления, полученные во время обучения в храме. И Илхикамина – не единственный, кто оказывает мне особое внимание. Были и другие пленники. Они окончили жизнь на алтаре, когда ты содрал с них кожу острым ножом, а потом сделал себе плащ из этой кожи. Я горда тем, что дарила радость отважным воинам в последние дни их пребывания в Среднем Мире, но не было в сердце моем печали после их смерти. Почему же именно сейчас ты решил напомнить мне о первых уроках?

– Потому что я старше тебя, дитя мое. И глаза мои, хоть и не сравнятся им ныне зоркостью с очами орла, способны видеть незримое. Тебе нравится этот юный лучник, не так ли?

Коаксок опускает голову, радуясь, что в темноте Верховный Жрец не способен разглядеть румянец на ее щеках. Ицтликоатл гладит девушку по волосам, а потом ласково приобнимает за плечи, как отец дочку.

– Девочка моя, ты прошла хорошую школу в храме могущественного бога Тошкатля. Но ты молода и красива, и сердце твое жаждет любви. Не позволяй ей завладеть тобой, ибо познаешь ты только боль.

– Потому что он враг?

– Нет, милая. Врага тоже можно полюбить: за красоту, силу и добрую душу. В этом нет ничего постыдного.

– Тогда почему, Верховный?

– Потому что через несколько дней твой лучник взойдет на алтарь, чтобы выпустить последнюю стрелу в небо. Кожа его будет содрана, обнажив могучие мышцы, а мясо – отдано священным орлам, которые донесут нашу жертву до бога Тошкатля. Илхикамина уйдет по небесной лестнице в Верхний Мир, а ты останешься здесь. И, если успеет любовь поселиться в твоём сердце, оно будет стонать и кричать от боли, а душа будет биться в темнице тела, словно маленькая птичка, попавшая в сети. Не допусти же, чтобы это случилось... А теперь ступай, нехорошо заставлять нашего пленника ждать.

Глядя вслед убегавшей по дорожке девушке, Верховный Жрец подумал, что, верно, пришла пора выдать Коаксок замуж. Среди стражников, несших службу при храме, найдутся желающие взять в жены прекрасную дочь ягуара. И лучше сделать это, пока не поздно. Нельзя допустить, чтобы сердце юной девы почернело и завяло в печали, погубив и саму милую радугу, и ее будущее.

Великий Тошкатль не простит этого своему жрецу. Но куда важнее, что сам Ицтликоатль не простит этого себе.

Последний солнечный луч, скользнув по краешку окна, убегает за далекий вулкан, отсвечивающий алым на темном небе.

Илхикамина машет брату Солнцу рукой, прощаясь с ним до завтрашнего утра. Потом низким поклоном приветствует бога Луны, что путешествует в серебристой лодке по небесной дороге из молока, в незапамятные времена пролившегося из груди Праматери всего живого.

Стражник, придерживая копьем край циновки, впускает в домик двух прислужниц, несущих свежие фрукты, жареное мясо и ароматное вино. Следом входит Коаксок.

Дождавшись, пока служанки выйдут, а стражник, опустив циновку, стукнет копьем по порогу и отойдет на расстояние полета стрелы от домика, Коаксок бросается на шею пленнику.

– Сегодня я останусь с тобой до рассвета, мой небесный лучник, – девушка морщит губы, то ли улыбаясь, то ли сдерживая слезы.

Илхикамина гладит красавицу по черным волосам, перебирает подвески из разноцветных камушков, вплетенные в косы.

– Значит, это случится завтра, – произносит юноша. – Не огорчайся так, о прекрасная радуга. Я ведь не первый и не последний пленник, которому ты даришь радость любви перед жертвоприношением.

– Да, до тебя было еще двое. Оба они провели здесь священный год, как и полагается по обряду. Тебя же я знаю всего одну неделю. И знаю я, что завтра тебя ждет великая честь: взойти по небесной лестнице на вершину пирамиды, где встретят тебя наши боги. Но почему-то сердце мое болит, а душа не хочет отпускать тебя.

– Скажу тебе правду, Коаксок: мое сердце тоже не хочет расставаться с тобой. Но я буду ждать тебя на вершине небесной пирамиды. И однажды ты присоединишься ко мне.

– Боги не позволят дочери ягуара пребывать на одном солнечном луче с пленником. Как бы ни был ты мил мне, ты – враг нашего племени, захваченный в бою.

Илхикамина осторожно подходит к окну, выглядывает наружу. Потом приподнимает циновку. Стражник, темной тенью маячащий возле уличной жаровни, настораживается, но, увидев, что пленник не пытается бежать, снова усаживается на корточки.

Юноша возвращается в дом и усаживается на ложе.

– Коаксок, сядь рядом. Я хочу поведать тебе то, чего не знает никто в храме великого бога Тошкатля. Долгие тринадцать дней, оставаясь здесь целыми днями в одиночестве, думал я: сказать или нет Верховному Жрецу правду. Но решил смолчать, потому что Говорящий с Богом мог подумать, что это – не мои слова, но моей трусости. Сейчас же вновь овладела мной сомнения. Не боюсь я того, что случится завтра. Напротив, горжусь, что вознесусь на Небо и смогу передать мольбу соплеменников нашим богам. Но и опасаясь в сердце своем: вдруг великий Тошкатль прогневается еще сильнее, получив неподобающий дар!

– Соплеменникам?! – прекрасная дочь ягуара в гневе вскакивает, мгновенно забыв о нежных чувствах, что влекли ее к пленнику. – Как можешь ты, сапотек, именовать гордых ацтеков своими соплеменниками!

– Как ты могла не узнать своего брата, Коаксок? – возмущается Илхикамина. – Как могла подумать, что я – ничтожный сапотек, попавший в плен только потому, что не смог с честью пасть в бою. Я – не воин, а сын писца из маленькой деревушки. Но в жилах моих течет кровь нашего великого предка Ягуара, и в той битве я показал себя достойным бойцом.

– Как же ты оказался здесь?

– Отважные воины предводителя Куохтлиотла сразили всех сапотеков и везли домой богатую добычу. Но у них не было ни одного пленного воина, нужного для принесения в жертву богу засухи. И тогда военачальник приказал воинам напасть на приграничную деревню: за долгие годы соперничества с сапотеками наше поселение много раз переходило из рук в руки. Да, там живут мирные землепашцы: все они были в поле, собирая бедный урожай и моля Великую Мать сжалиться... Ягуары налетели, подобно смерчу. Мы ничего не успели объяснить им... И сейчас меня мучает только одно: что, если могучий Тошкатль разгневется на своих жрецов и всех обитателей Среднего Мира за то, что в жертву ему принесли не вражеского воина, а мирного крестьянина и грамотея. Такое ничтожество, как я, – не жертва, но оскорбление для великого и сурового бога.

– Значит, и остальные пленники – простые землепашцы и сыновья ягуара?

– Да.

– Я уверена, господин наш Ицтликоатл не знает об этом. Он так радовался, получив новых пленников, так мечтал о великом дне, когда сможет содрать с них кожу острым ножом из черного обсидиана... Но погоди, Илхикамина, ведь это означает, что завтра, в священный день 3 Оцелотль ты не умрешь!

– Почему?

– Мы должны пойти к Верховному Жрецу и рассказать ему правду. Тогда он сам отменит обряд, опасаясь прогневить бога еще больше.

– Коаксок, мы не можем этого сделать. Что значит мое или твое слово против речей предводителя Куохтлиотла? Он сделал злое дело, пожелав обмануть богов, но Говорящий с Тошкатлем не поверит нам.

– Тогда я сама отпущу тебя. Я не хочу, чтобы бог наслал на землю ацтеков еще большие беды. И, – голос девушки снизился до шепота, – я не хочу, чтобы ты умер напрасно.

– Милая, подними циновку и посмотри наружу. Недалеко от моей двери стоит могучий стражник с острым копьем. И множество других стражников охраняют стены и ворота храма. У меня есть только один выход: взойти на алтарь завтра на рассвете и надеяться, что бог согласится принять эту жертву, ибо велико мое желание помочь в беде моему народу.

– Бог не потерпит обмана. Да, могучий Тошкатль жаждет свежей крови, но ему не нужны лживые, бессмысленные жертвы. Он только еще больше прогневется на нас... И я знаю тайные выходы из храма. Бери же плащ, еды на дорогу и пойдем. Рассвет уже скоро, а ты должен уйти как можно дальше от великолепного Теночтитлана.

– А как же ты, моя прекрасная радуга?

– Меня нельзя принести в жертву: я – женщина. А наказать... Что мне любое наказание, если я буду знать, что обрела милость великого бога и место в твоём сердце. Собирайся же, у нас мало времени.

Коаксок стояла на стене, ограждающей храм, и смотрела на дорогу, выложенную каменными плитами, мерцающую белым, призрачным светом. Девушке казалось, что она видит стройную фигуру Илхикамины, хотя это и было неправдой: день еще не вступил в свои права.

Подул ветер. Он нес на своих крыльях прохладу, а в перышках его запутались капельки влаги.

Девушка перевела взгляд на север: на Теночтитлан надвигалась огромная, черная, беременная непролившимся дождем туча. А над алтарем, возведенным посреди храмового двора, сияла многоцветная радуга.

Примечания

- * Золин – перепел
- * Илхикамина – лучник, стреляющий в небо
- * Ицтликоатл – змей с обсидиановым ножом
- * Коаксок – многоцветная радуга
- * Куохтлиотл – воин-орел
- * названия дней в священном календаре ацтеков пишутся именно так: «3 Оцелотль», т.е. цифра + имя священного зверя, соответствующего дню. Точно также пишутся имена собственные, содержащие цифры: «3 Попугай». Согласно принятым в русскоязычной исторической науке правилам, такие имена и названия не склоняются.

Александр Веселов, Григорий Родственников. Из личных воспоминаний полковника Григорьева

1

Поезд спешил по Великой Сибирской магистрали, по бесконечной и бескрайней железной дороге. Тысячи верст, прочерченных по телу Империи из девятнадцатого века в двадцатый. Первая ниточка, брошенная на Гулливера лилипутами. Путь к океану? На край земли? К процветанию? В никуда?

Паровоз своим большим желтым глазом выхватывал из векового забвения пушащиеся снегом ели. Поток воздуха состав закручивал спираль ледяного фейерверка, подымал её к пьющему луну небу и с хохотом швырял обратно елкам в лицо. Воздух гремел. Потом останавливался. Луна была внимательной и круглой. Снег блестел. Луна молчала. А когда исчезал из виду красный фонарь последнего вагона, Сибирь, ежась, поправляла снеговые шапки и, вздохнув, оставалась ждать вынесения приговора своей незащитности.

Вагон не был заполнен даже наполовину. Война не остановила жизнь в огромной стране, но добавила к тревоге, недавно поселившейся в ней, острый аромат ожидания боли. Дмитрий Ильич Григорьев был ранен в одном из первых сражений русско-японской войны. Истребованный им по завершении лечения отпуск закончился. Недолгие проводы. Слезы матери. Полуслепая полубезумная нянька. «Митенька, за что же тебя, пусть бы меня, старую, поубивали». Штабс-капитан разводит рукой горький папиросный дым, и память о расставании с домом.

Ближайшее к нему купе открывается. Лизонька Пятикрестовская появляется перед ним. Она выпускница Смольного благородного института, едет домой в Иркутск. Ей еще нет двадцати. Обаяние молодости, живущее в ней, искупает её слегка тяжеловатый подбородок и нос, слишком римский для этой части света, зато глаза у неё сияют бирюзой. Она так долго дышала воздухом Петербурга, что не могла не стать эмансипе.

Дмитрий Ильич радовался в поездке каждой их случайной встрече. Увидев ее сейчас, он улыбнулся. А она без церемоний обратилась к нему.

— Господин штабс-капитан, вы молчите уже три тысячи верст, и я скоро лопну от нетерпения узнать, какие тайны вы скрываете.

Нет, эмансипе ещё не достаточно укоренилась в ней. Лиза сконфузилась и покраснела. Дмитрий Ильич, машинально поправив воротник, ответил:

— Смею ли я докучать вам своими тайнами?

— Почему нет?

— Я боюсь скомпрометировать вас в глазах вашей серьезной спутницы.

— Она моя тетя, и она глухая, если вы даже объявите себя шпионом микадо, она никому не расскажет.

— А вы?

— Я? — вихрь смутения вспыхнул в ее глазах, она моргнула, лицо ее приобрело вид трогательной незащитности. Поднесла руку к лицу офицера и коснулась шрама на щеке. — Что это у вас? Шимоза?

— Помилуйте, это я в детстве кипятком обварил, на няньку налетел. Но скажите, откуда в вас все это? Шимоза? Микадо? Зачем?

— Потому что война. Из газет. Вы осуждаете?

— Я не смею...

Синяя ночь. Под луной никого. Но если внимательно приглядеться, где-то там внизу, среди безмолвной тайги, спешит к Байкалу и таращит свою недрёмную фару маленький поезд. В нем множество припасов, угля, воды, необходимые дорожные инструменты, поклажа, пассажиры, переплетенье человеческих судеб и два сердца, встретившихся неотвратно и случайно.

2

Подполковник Григорьев задумчиво смотрел на улицу. Серые клубы папиросного дыма эфемерным косматым чудовищем медленно выползали из раскрытого настежь окна и растворялись в пустоте маленького московского двора.

За его спиной, на широком столе, покрытом легкомысленной цветастой скатертью, находились приготовленные письменные принадлежности. Лежал пустой лист бумаги. Ему только предстояло стать письмом. Подполковник медлил. Он хмурился и от волнения покусывал уже начинающий сидеть ус.

«Семейная жизнь. А не поздно ли ты спохватился? Чай уже не мальчишка за барышнями бегать. Но ведь ты её любишь? Да, люблю. Люблю больше жизни, как никогда никого не любил! Тогда в чем дело? Напиши ей, признайся! Боишься? Трус! В атаку ходить не боялся, а здесь спасовал!»

Григорьев нервно затушил папиросу в пепельнице, решительно сел за стол и вывел на чистом листке бумаги:

«Уважаемая Елизавета Андреевна!»

С минуту разглядывал завитушки на буквах, потом скомкал бумажный прямоугольник и бросил в мусорную корзину. Схватил новый лист и написал:

«Милая моя Елизавета Андреевна!

Простите. Долго не решался написать Вам. Не знал, как Вы отнесетесь к моим словам. Но больше не могу бороться с собой. Я постоянно думаю о Вас. Вспоминаю нашу встречу в одиннадцатом году. Знаете, Елизавета Андреевна, я полностью согласен с господином Чеховым, когда он сказал, что из всех сибирских городов самый лучший Иркутск. Я полюбил этот город, потому что там живете Вы».

Григорьев вскочил со стула. «Господи, да при чем здесь город?!»

Снова закурил.

В дверь тихонько поскреблись.

– Да, Василий!

На веснушчатом лице денщика застыла робкая улыбка.

– Ваше Высокоблагородие, Дмитрий Ильич, не угодно ли отобедать?

– Спасибо, Василий, я не хочу.

– Как же так? С утра ведь ничего не ели! Может хоть чаю... с булочкой?

– Нет, Василий. Иди, пожалуйста.

Денщик, опустив голову, побрел прочь, но у двери остановился.

– Дмитрий Ильич, а правду сказывают, что австрияки сербам войну объявили?

– Правда.

– Господи спаси! – перекрестился Василий. – Не зря я говорил месяц назад, не простят германцы им наследника...

– Иди же, братец, – заторопил Григорьев. – И думай, и говори поменьше, а то социалистом станешь.

– Я, Дмитрий Ильич, по коммерческой части определяться думаю.

– Ну и хорошо, разбогатеешь – не забудь тогда нас, нищевродов.

– Да как же можно?

– Иди, я сказал!

Когда за денщиком закрылась дверь, Григорьев снова сел за стол.

«Словно все вчера было. Гостиница «Амурское подворье», книжный магазин Макушина и Вы, Елизавета Андреевна. Помните, в театре Гиллера, в зале, на той удивительной выставке автографов, Вы взяли меня за руку? Я до сих пор ощущаю тепло Ваших паль-

цев. Еще тогда я должен был сказать все нужные слова, но не решился. Я хотел признаться Вам и не смог. Мне очень стыдно. Но если еще не поздно! Умоляю Вас, Лиза, ответьте мне, могу ли я надеяться считать Вас моей невестой?

Прошу Вас, ответьте мне! Иначе мое сердце не выдержит!

Я люблю Вас, Лиза!

P.S. В сентябре у меня положенный двухмесячный отпуск.

Смиренно жду своей участи.

Дмитрий».

Григорьев долго смотрел на исписанный лист бумаги, борясь с желанием скомкать, растоптать его, стереть в порошок. Потом глубоко вздохнул и старательно вывел в правом нижнем углу дату «29 июля 1914 года».

3

«Ужасно холодно. Какой жуткий мороз. И пить хочется». Короткие красно-синие тени заката проскользнули по маленькому окошечку каретного сарая. Полковник Григорьев лежал на полу, разглядывая серый деревянный потолок. Сквозь неплотно пригнанные доски, подобно новогодней мишуре, сыпались снежинки, падали на лицо, и полковник слизывал их языком. «Я жив, кажется. Мерзну. Значит, они меня не убили. Сволочи! Ненавижу!»

Дверь его темницы распахнулась. Раздался чей-то визгливый смех:

– Дивись, Мыкола! Як эта белая моль жирует!

Чувствительные удары сапогом по посиневшим отмороженным босым ногам заставили Григорьева глухо застонать и отползти вглубь сарая.

– Добре! А то боляче кучеряво живешь! Приймай сусидив, барин!

Петлюровцы втолкнули в помещение двух пленников. Скучного света с улицы было достаточно, чтобы понять: мужчина и женщина. Оба одеты в мешковатые солдатские гимнастерки, босые.

«Им хуже, чем мне, – отстраненно подумал Григорьев. – Мне хоть шинель оставили. Значит это большевики. С ними гетман не церемонится. А эта женщина... похоже, уже за тридцать, как нелепо на ней смотрится мужская одежда. Наверное, редкая дура, раз увлеклась революционными бреднями. Ну что ты смотришь на меня, убогая? Лица не видно, белое пятно. Думаю, ты не красавица, но что они с тобой сделают, подумать страшно...»

Дверь едва успела закрыться, как отворилась вновь. Молодцеватый петлюровский «офицер» с лихо заломленной на затылок черной меховой «Мазеповкой» с прищуром оглядел арестантов и поманил пальцем мужчину:

– Выходь, москаль! У атамана до тебя разговор будет!

Снова наступила тишина. Григорьев закрыл глаза. Может, заснуть? А утром? Какая разница, что будет утром. А эта женщина? Она же зачоченеет. А может для неё это лучший вариант? Полковник Григорьев решительно встал и обратился к ней:

– Сударыня, прошу простить меня за навязчивость, но здесь очень холодно! Осмелюсь предложить Вам свою шинель!

Она издала вздох, похожий на стон:

– Вы всегда были галантным кавалером, Дмитрий Ильич.

– Что?!

Полковник оцепенел. Не может быть. Этот голос... У него закружилась голова. А в следующую минуту он уже сжимал её в объятиях, целовал холодные щеки и плакал.

– Лизанька! Как же так получилось?! Как же это?!

Она тоже плакала, отворачивала от него лицо, пыталась отстраниться, но он всякий раз вновь и вновь находил её губы. Его руки жадно шарили по ее груди, он задышался от нестерпимого желания обладать ею, немедленно, сейчас!

Вывавшись из его объятий, она вскочила и, тяжело дыша, попыталась застегнуть ворот гимнастерки.

– Не надо, Дима. Сейчас неподходящее время.

Полковник рассмеялся.

– О чем ты говоришь, Лиза?! Сейчас самое время! Долой стыд! Кажется, так говорят твои нынешние товарищи?! А нам уже нечего ждать! Нас, может быть, завтра расстреляют!

Словно в подтверждение его слов, невдалеке грянул одиночный выстрел. Она вздрогнула, посмотрела на него широко открытыми, какими-то безумными глазами и быстро заговорила:

– Да, да, Димочка, ты прав! Другой возможности не будет! К чему эти глупые предрассудки! Я ведь всегда любила только тебя! Ты мой единственный мужчина! Другого у меня не будет!

Григорьев шагнул к ней.

– Нет! – неожиданно закричала она. – Сначала поклянись! Поклянись, что не отдашь им меня в руки! Я приму это как милость от тебя, как избавление!

Григорьев оцепенел.

– Ты хочешь, чтобы я тебя...

– Да! Да! – истерично зарыдала она. – Я этого хочу!

Полковник молчал. Елизавета подошла к нему, опустилась на колени, обхватила его ноги руками, доверчиво прижалась.

– Умоляю тебя... Поклянись...

Перед его глазами стояло хорошенькое личико Лизоньки Пятикрестовской – выпускницы Смольного благородного института, гремели колеса Транссибирского экспресса и искрился снег на высоких елях.

– Клянусь!

4

Василий стал парижанином. К парку таксомоторов он присовокупил парафиновый завод. Женился на Маше Соломонович и решительно не испытывал никакой ностальгии по прошлому, за исключением одного обстоятельства. Василий с какой-то маниакальной заботой постоянно беспокоился о встреченном на чужбине старом командире, которого не видел со дня своего производства в чин летом шестнадцатого года. Сегодня он нашел Григорьева в бистро за гаражами.

За столиком с единственной чашкой остывшего чая высилась бледная тень бывшего полковника. Григорьев был невменяемо пьян, но своего бывшего денщика узнал, и силился ему улыбнуться.

– Дмитрий Ильич, вы губите себя этим. Перестаньте, прошу вас.

– Василий, пусть дадут ещё водки, молчи, молчи-слушай, утром... утром двери открылись... и я ослеп...

– Помилуйте, Дмитрий Ильич, но нельзя же, вы же... невозможно слушать!

– Отстань. Утро... столько света никогда не видел, в раю нет такого света, солнце сияет, снег блестит, а перед сараем петлюровцы. Один в скоморошьем кафтане, помнишь скатерть в московском доме, такой же цветом, он на лошади. Кобыла красавица, никогда таких не видал. Переступает по снегу. Ноздри. Губы. Расцеловал бы...

– Дмитрий Ильич, вы больны, я отвезу вас домой.

– У меня нет дома, нет родины, и даже старая нянька от меня отказалась, я на побывку приехал, а она увидела меня и за печь кинулась, и кричит: «Нет, ты не Митька, чужой ты!» Я – чужой, понимаешь, чужой... Слушай, одному тебе расскажу, грех на мне великий. В девятнадцатом, под Киевом, в брошенной усадьбе...

– Умоляю вас, перестаньте...

– Дурак! Я всю жизнь людей умертвлял, я в штыки ходил, а голыми руками не смог, касаюсь Лизоньки, пальцы немеют. Снял крест нательный, думал шнурком. Страшно стало. Ремень с брюк потянул – неловко. А она засмеялась и показывает. Вон висит в углу уздечка красивая кавказская, как уцелела она здесь? Страшно когда думаю, для чего уцелела. Я же после Лизоньки... Удаться хотел. Не смог, сволочь. Не смог. Не смог я, Васька. Водки мне дай!

А утром вывели, прилетел этот, с золотой кисточкой на шлыке, в кафтане как наша скатерть, помнишь? Кривая сабля на ремне пляшет, кобыла под ним танцует. Орет: «Кто такой?» Они ему: «Москаль». «Да что он сробил, шо вы его вбить думаете?» «За жадив вступился!» «И сразу вбить? Сорок горячих ему!» «Он ещё большевичку задушил!» «Я последний раз кажу вам – сорок горячих ему. И всему куреню выступать». Упал я на снег. Небо. Голубое. Ангелов там видимо-невидимо и Лизонька моя, там. Меня поднимают. На ногах не стою. Устал. Крайний перекрестил нагайкой и на конь. Смотрю вслед. На рысях идут, из-под копыт летят к небу пласты серебряного снега и сияние и Ангелы поют. Тошно-то как, Васенька!

5

Новенький американский «ФордТ» остановился у меблированных комнат, где снимал угол полковник Григорьев. Василий вылез первым и поспешил обойти машину, чтобы, привычно взвалив на плечи свою нетрезвую ношу, подняться с ним на второй этаж. Однако сегодня, едва он вышел из автомобиля, Дмитрий Ильич открыл глаза, стремительно достал и перчаточного отсека револьвер и приставил к своему виску.

Бывший денщик остолбенел:

– Батюшка! Дмитрий Ильич! Ты что?!

В глазах полковника зияла пустота. Грянул выстрел.

Захлопали крыльями взлетевшие с крыш голуби. Невдалеке раздалась французская брань. С верхних этажей кто-то выплеснул из окна воду, кто-то рядом закричал по-русски: «Караул!». Василий долго стоял опустив голову, потом сорвал свой картуз, с остервенением швырнул на пыльную мостовую и, сутулясь, побрел прочь. Его плечи сотрясали рыдания.

Александр Веселов, Григорий Родственников. Москва – Берлин

1

Расчетливость банковского аналитика, окончившего Итон, всегда определяющего цели клиента до того, как тот сам их объявит, чутье настоящего репортера, ценящего детали и не упускающего главного, безупречный глазомер офицера Королевского флота и навыки тайного агента секретной службы Его величества Георга VI помогли Йону Ф. Ланкастеру «срисовать хвост» задолго до польской границы.

Немцы работали без фантазии, но с большим энтузиазмом. «Хвост» решил оттоптать мне ноги?» – усмехнулся Йон, и сделав вид, что передумал курить, повернулся лицом к филеру и пошел по вагону ему навстречу. Шпик, следовавший за ним, тоже сделал вид, что передумал курить. Однако чтобы наверняка убедиться в национальной принадлежности наружки, Йон повторил свой маневр еще дважды. Хвост не отстал.

У русских, возможно, были очень хорошие учителя из бывших штатных сотрудников жандармского управления, но эти «медведи» в дорогах костюмах, как всегда отъехав от Москвы на полторы тысячи верст, слишком много пили.

К русским «топтунам» и их немецким коллегам в Варшаве присоединилась польская дефензива. «Очень много спеси и самодовольства», – подумал Ланкастер, побеседовав с последними, по их настоятельной просьбе. «Пан едет в Берлин? Пан едет из Москвы? Кажется, пан англичанин?» «Не понимаю, чему вас учит пан Пилсудский? Вы сами, любезные паны, знаете, чего вы хотите? Да, кажется, мы с вами союзники».

А теперь главное. Я еду в Берлин, а значит, немцы едут домой, они уверены, что я у них в руках. Вывод: немцы не опасны. Поляки? Когда они поймут что им надо, тогда ими и займемся. Русские? Русские опасны всегда! Вряд ли это ликвидаторы, не так много я насолил им в тридцать третьем, когда под видом журналиста освещал XIII пленум Коминтерна, чтобы теперь, три года спустя, наградить меня уколom отравленного зонтика. Вряд ли это формальная любезность и никак не совпадение. Тогда что? Неужели они знают, кто едет в первом купе третьего вагона?

2

Мария Симбирцева. Машенька. Йон навсегда запомнил их первую встречу. Встречу, от которой сладко заныло в груди. Наивные большие глаза, какого-то немыслимого фиолетового оттенка, обрамленные густыми длинными ресницами. Пшеничные волосы, одинаково прекрасные заплетенные в тугую косу или спадающие искрящимся водопадом на поясницу. Стройные ноги в грубом светлом коконе суконной юбки, несмотря на то, что она носит мягкие парусиновые туфли без каблука, кажутся бесконечными. И губы, такие теплые и чувственные, что от них невозможно оторваться. Уже тогда он знал, что эта хрупкая женщина, женщина-мечта, женщина-сказка – агент НКВД. Её задача – следить за каждым его шагом, вынюхивать, подсматривать, собирать сведения и ждать, когда ничего не подозревающий англичанин совершит ошибку. И тогда преподнести его с хреном и луком на праздничном блюде своим хозяевам. «Кушайте! Свежезапеченный английский шпион в собственном соку!» Он не забывал об этом и в этот приезд, лаская её красивое неутомимое в любви тело, когда она приходила к нему в гостиницу «Москва», лучшую из недавно построенных в советской России, он не забывал – но это не мешало ему.

Она тоже не забывала, но, вероятно, очень хотела забыть. В минуты их необузданной африканской страсти они меньше всего думали о работе. Йон знал это наверняка. Она любила. Любила искренне. Но сколько нервов умудрилась попортить ему эта скуластая азиатская девчонка тогда, в тридцать третьем! Из-за неё он несколько раз был на грани провала. Она засвечивала его микрофильмы. Испортила симпатические чернила. Спалила пару неосторожных агентов, подходивших к ним на пленуме. Тогда он ненавидел ее, презирал, хотел убить, но снова и снова заключал в объятия.

А потом... Потом случилась странное. Она стала не нужна своим боссам. Чекисты вспомнили, что в Самаре в девятнадцатом году расстреляли ее родителей, и решили, что в дальнейшем это может плохо сказаться на ее лояльности. В России всегда легко предают своих, потому что трудно разобраться: а кто свои? Ей ничего не оставалось, как только ждать своей очереди. Однако вместо оперативных работников с Лубянки к ней в комнату среди ночи постучался Йон Ланкастер. Она прорыдала у него на плече до самого утра, а он нежно накручивал на палец белокурые волшебные локоны и лихорадочно просчитывал пути её спасения. Это могло стоить ему головы. Его миссия не предполагала ни авантюры, ни дополнительных накладных расходов. Он был здесь нелегально и работал без прикрытия. Но Йон не думал об этом, потому что никогда не был только разведчиком.

В результате спланированной им авантюры Мария Симбирцева исчезла. А в третьем купе первого вагона отправилась путешествовать фрау Магда Мегдельбен – австрийская подданная.

3

Паровоз уже подымливал по берлинским предместьям, когда Ланкастер разыграл для сопровождавших его шпионов небольшое представление. Он демонстративно выложил британский паспорт и ещё кое-какие документы на столик. И затем тщательно принялся обрабатывать одежной щеткой свой пиджак. Он делал это столь увлеченно и яростно, что не заметил, как смахнул на колени господина, ехавшего с ним в одном купе, не допитый стакан чая. Последовала сцена искреннего раскаяния и бесконечного сожаления, после которой Йон, оттерев от двери русского господина, поедом евшего глазами паспорт поданного британской короны, бросился в сторону купе проводников за помощью и бумажными салфетками. Карантулить паспорт проще, чем гоняться по вагону за его обладателем, решили одновременно русский, немец и поляк. И с одинаково невозмутимым видом смотрели в окно, в стекле которого отражался сконфуженный господин, пальцами прихвативший пропитанные чаем складки на брюках, и документы на столике, прежде всего паспорт с двуспальным английским лёвою.

Йон, лишь на секунду зайдя в купе проводника, вышел оттуда с восклицанием: «В туалете, понятно». И затем исчез в уборной. Где немедленно открыл настежь окно, бесстрашно, с кошачьей ловкостью выбрался на крышу и уже через минуту объявился в третьем купе первого вагона.

Поезд следовал вдоль перрона, когда оказалось, что Мария, в грациозности движений не уступающая кошачьим, вылезти в форточку не может. Пришлось немедленно скорректировать план действий, вымазать стекло маслом, медом, вареньем, всем, что здесь подавалось на завтрак, затем раскатать по его липкой поверхности полотенце и аккуратно выдавить стекло. Манипуляция прошла с ювелирной точностью и главное без шума, который мог привлечь бдительных соглядатаев, их наличие за дверью даже не обсуждалось.

Состав вздрогнул, громыхнул сцепками вагонов и остановился. Пассажиры направились к выходу. Йон и Мария покинули купе через окно, и, не давая себе труда дожидаться финала трагикомедии, которой предстояло разыграться в поезде, поспешили к зданию вокзала.

4

На перроне было множества народа, над толпой развевались нацистские флаги, и играла бодрая музыка. Слушать её не было времени. Потому, оказавшись на площади перед вокзалом, Йон оттеснил бодрого господина в клетчатой куртке и модном котелке, стоявшего первым в очереди на стоянке таксомоторов, от машины, спросив у него: «Вы американец?» Нигде в Европе вы не встретите такого лоснящегося самодовольства на румяных щеках, поэтому Йон знал, что не промахнулся. И пока гордый представитель нового света разворачивал к нему плечи, чтобы с нескрываемым превосходством произнести «да», Йон успел посадить Марию в машину, назвать шоферу адрес и увидеть «хвост».

– Я приеду позже, через час, гостиница «Кайзерхоф».

Из здания вокзала к ним шел немец с плохо скрываемой радостью неожиданного обретения дорогой потери. Того и гляди бросится на шею или сейчас засвистит в полицейский свисток. Проследив за отъезжающим автомобилем, Йон извинился перед американцем и даже приветливо приобнял за плечи. В результате этой невинной на первый взгляд процедуры документы заокеанского гостя переключались в карман Ланкастера. «Обязательно посетите музей Шлимана, не пожалеете», – напутствовал его Йон, после чего, казалось, утратил интерес ко всему на свете. Рассеянно оглядевшись вокруг, он пересек тротуар и остановился у сувенирного киоска, делая вид, что с интересом рассматривает открытки с видами Берлина. Довольный немец следовал за ним по пятам, а когда Йон мгновенно сделал шаг в сторону и исчез из его поля зрения, немедленно прибавил шагу. У киоска он обескуражено остановился, никого не обнаружив. «Англичанин» пропал. Агент занервничал, разглядывая толпу впереди себя. «Неужели объект обманул меня? Меня накажут. Сейчас я исправлюсь». Рядом с киоском зияет арка проходного двора – вот где скрылся «англичанин». Немец шагнул в арку. А тем временем, обойдя торговый павильон справа, оставив его между собой и филером, Ланкастер успел протиснуться между стеной дома и газетной будкой. Совершив, таким образом, обходной маневр, он вышел в тыл своего «преследователя». Теперь оставалось лишь настичь «шпики» в утренней прохладе проходного двора, ударить кулаком по шее и, мягко подхватив под мышки, усадить на кстати обнаружившуюся здесь же во дворе лавочку.

5

По пути в отель Йон посетил парфюмерный магазин, приобрел стойкую краску для волос «Оберст Шварц» и модельные ножницы компании «Зингер». В лучшей берлинской гостинице «Кайзерхоф», давно облюбованной национал-социалистами и знаменитой роскошной прошлогодней свадьбой Германа Геринга, их вряд ли будут искать в первую очередь, думал Йон. Однако Маша встретила его в состоянии близком к истерике. По прекрасному покрасневшему личику ручьями текли слезы.

– Йон! Все пропало! Меня выследили! – Девушка металась по номеру, заламывая руки и громко всхлипывая. – Нам конец! Они наверняка уже знают, кто помог мне бежать! Тебя тоже убьют!

Ланкастер поймал её за руку, рывком усадил на стул.

– Рассказывай!

– Человек! Человек из Москвы! Он видел меня в гостинице! Он из НКВД, из отряда ликвидации!

– А ты еще та штучка, если знаешь в лицо этих ребят. Откуда такая осведомленность?

– Поверь мне, Йон! Я знаю что говорю!

Ланкастер вздохнул, глаза его смеялись даже сейчас.

– Почему-то я не удивлен. Тот, кто хоть раз видел такую роскошную блондинку, будет вспоминать ее и на смертном одре. Нам давно нужно было подумать об изменении твоей внешности. Не горюй, плакса, сейчас мы будем делать из тебя женщину-вамп.

Симбирцева вздрогнула. Перестала плакать.

– Как ты назвал меня?

Ланкастеру показалось, что в ее глазах промелькнул ужас.

– Я назвал тебя плаксой. Для профессионального разведчика ты излишне эмоциональна. Еще немного поплачешь, и можно заказывать у администрации лодку. Смотри, я уже промочил ноги.

В ответ Симбирцева отвернулась, обиженно дуюсь. Ланкастер вытащил из кармана ножницы. Негромкий металлический клик, и роскошный локон упал на пол. Девушка вскочила на ноги словно ужаленная. От былой истерики не осталось и следа. Сейчас перед Йоном стояла взбешенная фурия: рот перекошен, кулаки сжаты.

– Что ты делаешь, идиот?!

– Такой ты мне нравишься больше. Как бы там ни было, бывшее величие уже не вернешь. Придется доделывать начатое.

Со стоном раненной волчицы Маша вновь опустилась на стул. Ланкастер клацал ножницами. За все время процедуры женщина больше не издала ни звука. Лишь кулаки оставались по-прежнему сжатыми.

– Ну вот! – удовлетворенно прищёлкнул языком Йон. – Похоже, у меня в роду водились цирюльники. Глянь, какая красота!

Симбирцева подошла к большому напольному зеркалу, сосредоточенно повертелась перед ним и констатировала:

– Ты изверг, варвар и губитель всего прекрасного. Если бы ты знал, что такие волосы, как мои, женщины растят всю жизнь...

– Охотно верю. Но раз ты не торопишься меня убивать, можно сделать вывод, что стрижка получилась не самая худшая.

Она покорно вздохнула:

– Что дальше?

– Дальше? Дальше самое интересное – раздевайся!

– Как?

– Как ты любишь! Быстро и догола!

Видя недоумение на ее лице, пояснил с непередаваемым хладнокровием:

– Я долго не могу видеть тебя одетой. Все мое мужское естество восстает против этого.

– Похотливый английский кобель! Нам грозит смертельная опасность, а ты думаешь только о случке!

Ланкастер достал пузырек с краской.

– Против случки я никогда не возражаю, но для начала неплохо бы завершить таинство перевоплощения. Так что, фрау Мегдельбен, пожалуйста в ванную комнату.

На небрежно брошенное на пол платье упали чулки и кружевное бельё. Сама искусительница, одарив его кокетливым взглядом, направилась к ванне, призывно покачивая умопомрачительными бедрами. Да, пожалуй, такой фигуры он не встречал никогда в своей жизни.

Чудовищным усилием воли Йон задушил в себе пробуждение неудовлетворенного бизона, сделал глубокие вдох и выдох, засучил рукава и решительно направился следом.

Краска оказалась качественной. Ланкастер смотрел на Машу и не узнавал ее. Волосы цвета воронова крыла в купе с премиленьким каре превратили ее в другую женщину. Не менее прекрасную и не менее желанную. Она плескалась в ванне, вздыхала и горестно щебетала:

– Они перероют весь Берлин, но все равно найдут меня. И у меня нет других документов. Что мы будем делать?

– Я спрячу тебя в Вустерхаузене. Там у меня друзья, – механически отвечал он, не сводя затуманенных глаз с ее розовых сосков. Потом не выдержал и провел ладонью по ее упругой груди. Она вздрогнула и закатила глаза. В следующий миг, ухватив его за шею, Машенька потянула его на себя. Искрящаяся мыльная пена выплеснулась на белоснежный кафельный пол.

6

Едва завершив водные процедуры, они отправились в Вустерхаузен. Здесь на окраине, в уютном домике с красной черепичной крышей, проживали престарелые супруги Грета и Ганс Веберы. Поручив спутницу заботам тетушки Греты, Йон последовал за стариком Гансом в библиотеку.

На лице хозяина прорезались глубокие скорбные морщины.

– Ты выжил из ума, Ланкастер! Зачем ты притащил сюда эту русскую шпионку?! Ты провалил явку!

– Успокойся, она не опасна. Русские приговорили ее. Обратной дороги у нее нет. А с ее опытом оперативной работы она сможет оказать неоценимые услуги.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Как твое задание? Нужна помощь?

– Я выхожу из игры, старина, и, похоже, навсегда...

– И ты думаешь, ребята из Интеллидженс Сервис дадут тебе спокойно уйти?

– Поживем-увидим. Во всяком случае, я не так много знаю, чтобы рубить мне голову.

– Тебе нужны новые документы?

– На это уйдет много времени. Я не могу ждать. Уеду завтра утром. А пока мне есть чем прикрыться – раздобыл американский паспорт, а коверкать язык я умею не хуже стопроцентных янки.

Прощание с Машей не было ни бурным, ни продолжительным. Они посмотрели друг другу в глаза, понимая, что, возможно, больше никогда не увидятся. А когда его худощавая фигура растворилась в предрассветном тумане, она присела на крылечке уютного домика и заплакала по-настоящему.

7

Старший майор государственной безопасности широкой ладонью разгладил лист бумаги, исписанный каллиграфическим почерком шифровальщика.

«Совершенно секретно. Составлено в единственном экземпляре. Донесение. 22.09. В 12 часов 10 минут прибыли в Берлин. При подъезде к городу „Журналист“ обнаружил за собой слежку со стороны германской и польской разведок. Свои документы „Журналист“ оставил в своем купе в качестве приманки, после чего проник в мое купе через окно. Через это же окно мы оба покинули поезд. В районе вокзала „Журналист“ вновь попал в поле зрения германской разведки. Ему удалось уйти, возможно, ликвидировав наружного агента. В 14 часов 50 минут мы встретились с ним в номере люкс в гостинице „Кайзерхоф“. В 19 часов 40 минут прибыли в Вустерхаузен по адресу: Бранденбургштрассе, 38. Дом принадлежит Гансу Отто Веберу, он и его супруга Грета Вебер являются сотрудниками британской разведки. 23.09. В 6 часов утра „Журналист“ должен был сесть на поезд Вустерхаузен – Бойценбург. Он использует американский паспорт. Выяснить новые паспортные данные не удалось. Мною получены от Ганса Вебера документы на имя Хельга Геральдина Хартманн. Приступаю к работе по легализации. Агент Плакса. 29.09.»

8

В отдельном купе пассажирского поезда, следующего в Женеву, Йон Ланкастер задумчиво вертел в руках украденный паспорт. «Хорошо, что этот тип чем-то похож на меня. Я это заметил сразу. Вот только лицо слишком наглое. Впрочем, я тоже не образец скромности. Плюс у меня есть немного мела, слюны и чернил – этого достаточно для ретуши. Пограничники здесь вряд ли будут слишком внимательно разглядывать фото. Допустим, вырвался. Что дальше? Назад в разведку мне путь заказан. Ну и черт с ними. До смерти надоели немцы, поляки и русские. Про шпионов интересно только читать романы. – Йон Флеминг улыбнулся. – Но и писать их тоже интересно. Я бы смог закрутить головокружительный сюжетец. Читатели были бы в восторге! А может, стоит попробовать?»

Йон раскрыл паспорт и прочел имя: «Бонд... Джеймс Бонд...»

«А что?! Неплохое имя для литературного персонажа!»

Этот рассказ посвящается создателю нестареющей «бондианы» – Яну Ланкастеру Флемингу.

Анетта Гемини. Капище

В дверь настойчиво стучали. Статная женщина второпях накинула на плечи платок и бросилась распахнуть дверь. В сени прошёл пожилой мужчина. Он неуклюже потоптался в проходе и снял меховую шапку, запорошенную снегом.

– Добро, Ждана, – молвил он. – Староста тут?

– Здеся. Где ж ему ещё быть?! – удивилась женщина. – Позвать?

Старик кивнул, нервно теребя в рукавицах снятую шапку. Ждана скрылась в горнице, а затем в сени вошёл жилистый мужчина с копной рыжих волос и цепким взглядом карих глаз. За его спиной маячила жена, с любопытным поглядывая на гостя.

– Здраво, Тихон. С чем пожаловал? Что-то рано ты воротился с охоты.

– Беда, Богдан. Наши псы в лесу дитятей нашли, покойных, – вздохнул старик.

– Пресвятая Богородица, – охнула женщина, осеняя себя крестным знамением.

Утро в селе Ясное выдалось суматошное, весть о найденных замерзших детях облетела в мгновение ока все дома. Бабки причитали и бежали в церковь помолиться об упокоевание душ безвинных малышей. Женщины охали и крепче прижимали к себе своих кровинки, не забывая наказывать им, чтоб шагу не ступали за пределы села без разрешения. Мужики хмурили брови и собирались в горнице дома старосты, дабы держать совет.

Зима нынче выдалась суровая. Морозы с каждым днем все крепчали, хоть лютий и близился к своему окончанию. Снег искрился в лучах яркого солнца, а дым из печных труб бурно клубился, убегая ввысь. Село с двух сторон обступал лес, с востока обрамляла река Язва, а с южной стороны раскинулось поле, куда глаз хватало. Гонимые холодом и голодом, в село повадились лисы бегать да кур и гусей воровать. Урона от них для местных жителей пока большого не было, но коли пустить дело на самотек, так рыжие плутовки всю домашнюю птицу передуть могли, а там и волков приманить легкой добычей. Вот селяне посоветовались и решили устроить охоту, отвадить лис от птичников. Давеча спозаранку пятеро крепких парубков во главе с умудренным Тихоном отправились с собаками в лес. Стали они подлесок осматривать, чтобы на след напасть, там-то псы и обнаружили страшную находку. Двое мальчишек, на вид пять и девять лет от роду, одетые в не по размеру большие тулупы поверх легких рубаш и обутые в валенки на босу ногу, сиротливо прижимались друг к другу в напрасной надежде согреться. Маленькие ручки младшего, сжатые в кулачки, так и примерзли к груди обнявшего его старшего мальчика. Селяне ребятишек не опознали, все свои детки ютились по теплым домам под присмотром матерей. На собрании решено было похоронить детей через три дня на местном кладбище, за священником в город уже гонца послали. До этого времени староста взял на себя ответственность разобратся в случившейся беде. Малые да плохо одетые отроки прийти издалека не могли, старик же осмотрел все подступы к селу и свежих следов от саней не углядел. А так как нашли горемычных на северной окраине окружающего село леса в трех саженьях от тропы, что вела к холму, за которым стояла деревня Верхний кряж, то нехитро было предположить, что дети шли оттуда, да заплутали в ночи, и сбились с пути, так и не дойдя до Ясного. А вот что они делали в лесу и кто их отпустил одних раздетыми в стужу – оставалось неизвестным. А посему староста решил отправиться в эту деревню и разузнать там о покойных детях.

На следующее утро, едва солнечные лучи осветили небо, Богдан снаряжился в поход, оставив за старшего в селе Тихона. Только он собрался выйти за околицу, ведя под уздцы пегую лошадь, как путь ему преградили двое закадычных друзей – Никола да Девятко. Эти хлопцы были на всё Ясное известны своим буйным нравом: всё им на месте не сиделось, всё свою молодецкую удаль проявить их тянуло. Вот и сейчас стали они просить старосту взять их с собой помощниками. Мужчина хорошо понимал, что проку от них будет меньше, чем

лиха, но и отвязаться не мог, больно приставучие парни были, хуже репейника. Махнул староста рукой и пошел к тропе, а парубки за ним гуськом увязались. Погода стояла ясная, снег звонко скрипел под ногами ходоков, лес приветливо покачивал еловыми ветками. К полудню мужчины поднялись на холм, откуда открывался вид на поселение. Десяток деревянных домов с хлевами, амбарами и птичниками, покрытыми белыми шапками, раскинулись перед глазами путников.

– Чавой-то никого не видать?! Морозов испугались, что ли?! – спросил Никола, потирая покрасневший нос.

– Ага, сидят на печи и щи хлебают, – поддержал, усмехнувшись, Девятко.

Богдан нахмурился, поправил шапку и быстро начал спускаться к деревне, подгоняя кобылу. Парни переглянулись и бросились догонять старшего.

– Богдан, ты чего так рванул? – поинтересовался один из хлопцев, нагнав мужика.

– Того, – буркнул староста, не сбавляя темпа. – Дыма тоже не видать.

Быстро добравшись до околицы, ходоки вошли в деревню. Вокруг не было ни души, свежий нехоженный снег, словно праздничная скатерть, покрывал все улочки, лишь воронье, нахохлившись, то тут, то там сидело на заборах. Разделившись, мужчины начали обходить избы. Двери были не заперты, вся утварь и скарб находились в жилищах, печи – холодны и не топлены, в амбарах закрома полны зерна и картофеля, ровными кладками высились поленья, но никого живого не было. Встретившись через полчаса в центре деревни, ясновцы обменялись схожими вестями.

– Ни людей, ни скота, – задумчиво промолвил староста.

– Ума не приложу, куда все подевались? – развел руками Никола.

– Может, куда в гости отправились? – домыслил Девятко.

– Ага, всем Кряжем с курами да коровами в придачу, а вещи не взяли, – нахмурился молодец. – Богдан, может, воротимся?!

– Поворачиваем, – скомандовал старший, а затем буркнул себе под нос. – Бесовщина какая-то.

Медленно путники побрели мимо пустых домов обратно к холму, гнедая недовольно фыркала, провожаемая взглядами глаз-бусин ворон. Стоило ясновцам переступить за околицу, как вся стая чёрных птиц с громким карканьем поднялась с насиженных мест и устремилась вглубь леса, роняя угольные перья на белоснежный настил. Пока мужчины взбирались на кряж, погода стала меняться. Ясное голубое небо заволокло серыми густыми тучами, поднялся пронизывающий ветер, срывающий с сугробов вихри снега. Путники плотнее запахнули тулупы и прибавили шаг, вступив на тропу. Через час хода началась метель: сильные порывы ветра швыряли в лица горсти колких небесных крупиц, видимость снизилась до аршина впереди. Селяне стали сбиваться с тропы, увязая в сугробах по самые колени, оступались и валились в снег, затем, поднимаясь с помощью сородичей, продолжали настойчиво идти вперёд, закрывая лица рукавицами. Руки и ноги околевали и отказывались слушаться. Ветви елей цеплялись за индевелые ворота тулупов, норовя захватить людей в свой колючий плен. Уставшие мужчины совсем заплутали в буре. Только кобыла старосты по кличке Зорька громко ржала, трясла головой и тянула в ведомом ей направлении узду, которую крепко сжимал в руках ее хозяин. Богдан сообразил, что животинка нутром чувствует, где её дом, и рвётся в путь. Тогда он окликнул парубков, строго наказав держаться рядом с лошадей, и отдался на волю чутья верной Зорьки. Когда на темный небосвод взошла луна, продрогшие до костей путники вышли из леса рядом с родным селом. Еле волоча ноги, счастливые молодцы поволочились под тёплый кров своих домов.

– Умница, родимая! – благодарно потрепал по гриве кобылу староста, та же в ответ ткнулась мордой в грудь хозяина, обдав его горячим дыханием.

Той ночью Богдану спалось плохо, странный сон ему привиделся. Узрел он светелку, окутанную сумраком, горящая лучина в светце слабо освещала ее. В этой светлице сидела девушка, лица ее мужчина не мог разглядеть. Она склонилась над валиком, установленным на резной подставке, и плела кружево. Её белые рученьки ловко перебирали коклюшки, а серебряные нити, ведомые ими, ложились в замысловатые узоры невиданной красоты. Незнакомка, не отрываясь от своего дела, тихонько напевала:

«В низенькой светелке
Огонёк горит.
Молодая пряха
У окна сидит.
Молода, красива,
Карие глаза,
По плечам развита
Русая коса.
Русая головка,
Думы без конца...
Ты о чём мечтаешь,
Девушка-краса?»*

И от этого голоса певуньи стало старосте не по себе, тревога легла на его сердце. А поутру проснулся он ещё пуще прежнего усталым, будто ночь не почивал на печи, а поленья колот.

Об итогах давешнего похода в соседнюю деревню Богдан рассказал только доверенным селянам и просил их помалкивать об этом, чтоб не наводить паники среди жителей. Решили они отправить в город гонца к наместнику и доложить о пропаже кряжичей и покойных детях. А покуда от него не прибудет указаний о дальнейших действиях, не молоть языком попусту да быть настороже.

От одного человека Богдан ничего не мог скрывать, от супруги своей. Все ей поведал, что на сердце у него было, даже о тревожном сне.

– Не к добру это, Богданушка, – печалилась Ждана. – Что же мы делать теперь будем?

– Разберемся, голуба моя, с Божией помощью, – успокаивал ее супруг.

Когда же над селом стали сгущаться сумерки, послышался из леса тоскливый вой, низкий и длинный, с долгими нотами. Так тянул свою песню матерый зверь, от его голоса мурашки бежали по спинам людей. А затем эту песнь подхватили другие сородичи, поскуливая и подвизгивая, и сливались голоса, и плыли в темнеющее небо. И чем быстрее приближалась ночь, тем ближе раздавался плач волков. Опять собрались мужики в горнице старосты на совет. Богдан наказал всю сельскую скотину в хлева загнать да запереть надежно. Женщинам с детьми велено было по домам сидеть и не покидать их. Тихон с местными парубками разводили костры вдоль околицы, что с лесом граничит. К полуночи все приготовления были закончены. Взрослые мужчины вооружились, кто чем мог: топорами, вилами, мотыгами. Селяне расставили дозорных с собаками рядом с кострами и стали ждать. Поднялся ветер и заволок луну да звезды облаками, погружая лес и Ясное в непроглядную мглу. Дозорные до рези в глазах вглядывались в могучий лес, да не зги не видать было. Только псы враз все притихли, уши к головам прижали. Тут-то Никола и увидел меж стволов еловых два изумрудных огонька, вмиг подхватил пылающую корягу из костра и замахал ею, сигнал мужикам подавая. Подхватились молодцы, рассыпались вдоль околицы встречать гостей незваных. И стали, словно звезды на небесах, вспыхивать то тут, то там меж чернящего мрака огоньки, только успевай головой мотать. Тихон насчитал пятнадцать пар глаз, большая стая,

отродясь он такой не видывал в этих краях, а он самый умудрённый опытом был среди всех жителей. Подкрадывались звери к селу, стали выступать из темноты фигуры, что ошетилившись шерстью, низко брюхами к снегу прижимались. Заплясали тени тварей лесных в свете пламени костра, увеличивая их и без того немалые размеры. Кто помоложе из парубков был, роптать начали. Да старшие на них цыкнули, мол, стой где стоишь, пока леща не получил, немалой дидять. Вперед выступил крупный самец с прямой спиной и гордо поднятой головой, он зарычал утробно, обнажая клыки, а затем и остальные особи оскалились.

– Держитесь ближе к кострам, гоните их огнем, прикрывайте спины сородичей, да не дайте себя в тупик загнать, прижать к амбарам, – приказывал старик.

И тут вожак рывком бросился к огненной преграде, а за ним и вся волчья стая налетела мохнатой волной. Волки рычали, собаки лаяли, люди кричали, кони ржали в стойлах, чувствуя опасность. Мужики светочами гоняли зверей, а те не отступали, только с новой яростью бросались, словно одурманенные чем. Сбились селяне в группки по три-четыре человека спина к спине и отбивались от лютых тварей то палками, то вилами, то мотыгами, а иной раз и поленья горящие из кострищ выхватывали да опаливали волчью шерсть. Разошлись молодцы, кровь в головы ударила, стали топорами махать, тут-то и заскулили лесные псы, дрогнула их волна и рассыпалась. Запахались мужчины, пот прошиб их несмотря на стужу зимнюю. Еще с полчаса гоняли по селу собаки да самые крепкие и выносливые парубки остатки стаи, покуда и последние враги не скрылись в ельниках. Богдан с Тихоном осмотрели поле брани: где поленья разбросаны, где забор повалили хлопцы в горячке битвы, где на снегу трупы нескольких волков, топорами зарубленные, валялись, а где и раненые собаки скулили.

– Легко отделались, – прохрипел утомленный Тихон. – Только тулупы порвали, да порезались несмышлёные отроки об свои же топоры. Псов жалко, подохнут от ран.

А после обхода села нашли в стойле хлева старосты задранную Зорьку. Несчастная кобыла лежала на сене, забрызганном свежими каплями цвета вареного бурака, а ее большие глаза слепо смотрели в маленькое оконце под крышей.

Ночное нападение волков взволновало всех ясновцев, только глухой да немой не обсуждали его. Богдан горевал над гибелью гневной, любил он скотинку свою, не раз она его выручала, но поделать нечего было, на все воля Божия. Предстоящую ночь снова решили разжечь костры и нести дозор, авось воротятся недобитые твари. Но ночь выдалась тихая и спокойная, так что соглядатаи тихонько дремали по очереди, пригревшись у огня. На заре, покуда Денница не потухла, разбудил старосту вопль женский. Подорвался он с печи, в рубахе и портках выскочил во двор, а к нему бежала по снегу босая селянка в одной сорочке, несобранные волосы по ветру развивались. Бросилась она вся в слезах к нему на грудь. Сквозь плач узнал Богдан, что грудное дитя её хладное в люльке лежит. Оказалось, что ещё четверо детей до трёх лет не проснулись нынче утром, как бы матери их ни тормошили да ни будили. Все, как один, малыши были целенькие, чистенькие, красивенькие, да только спали мертвым сном. Женщины Ясного рыдали, даже мужчины еле слёзы сдерживали.

– Что ж это делается, люди добрые?! – причитали старухи. – Чужих детей схоронить не успели, как свои сгинули!

– Не людских это дело рук, жизнями распоряжаться только боги могут, – хрипела бабка, что у околицы отшельницей жила.

Позвал Тихон тайком Богдана, отошли они в сторонку. Старик-то и сказал, что под окнами домов, где дети умерли, нашёл следы свежие человеческие, и ведут они напрямик в лес.

– Пойду проверю, а ты здесь оставайся, – ответил староста, подхватил топор у поленицы и зашагал к предлесью.

Вступил он под крону ясеня и сразу следы увидел небольшие, либо отроку принадлежащие, либо девице. Пошел Богдан по следам, уводили они его от села к дровосечищу местному и далее на север вглубь леса. Все время, покуда шел мужчина, чувствовал он на себе чей-то взор. Стал он осматриваться, все вокруг тихо было: снег искрился, ели да осины в шубы белоснежные наряжены. Поднял ясновец голову, а на ветки дуба ворона сидит и глаз с него не сводит. Передернул староста плечами, подхватил ком снега и запустил в худое тельце птичье.

– Брысь отсюда! – гаркнул Богдан.

Вспорхнула чумаза, поскрипела недовольно, над головой мужика покружилась да улетела прочь. Продолжил путь свой староста, прошел еще пять саженей и сквозь стволы могучих дубов-колдунов увидел просвет какой-то. Оказалось, поляна в чаще раскинулась, а в центре нее возвышался столб, снегом облепленный, вокруг него небольшие сугробы кольцом расположились, и следы неизвестного супротив этого круга кончались. Тревожно стало Богдану на этом месте, но откинул он прочь сомнения и уверенно шагнул к столбу. Провел он рукавицей, смахивая снег с возвышения, а на древесине, почерневшей от времени, странный крест вырезан был с двенадцатью концами. У подножия столба огромный камень лежал, а на нем – лед багряный. Призадумался крепко ясновец, что за диво такое, что за место гиблое? Более ничего не удалось ему приметить. Тем временем солнце уже высоко было, решил воротиться староста. Только подошел он к кромке леса, а у околицы Девятко стоит, уставился на него глазами-блюдцами.

– Ты чего это на меня так поглядываешь? – окликнул его удивленный Богдан.

– Как же так?! Ты же только что у церкви был? – молвил парубок и ртом, словно рыба, хлопал.

– Ты что несешь?! Белены объелся! – осерчал староста. – Я в лес ходил, дело у меня было.

– Своими глазами видел. Меня Тихон послал за тобой и путь указал. Я выдвинулся уже к околице, почти дошел, глядь, а ты около церкви стоишь. Ну я тебя окликнул и передал просьбу: к старику зайти. Ты рукой махнул, мол, понял. А я вспомнил, что забор покосился, дай, думаю, поправлю. Только за доски взялся, а тут ты из леса выходишь.

– Лжешь?! – нахмурился Богдан.

– Вот те крест! – вскрикнул Девятко, осеняя себя крестным знамением.

«Да что ж тут творится?!» – подумал мужчина, а затем рядом со своим домом заметил фигуру. Пригляделся да чуть не поседел. У оконца сам Богдан стоял: тот же тулуп, та же шапка, то же лицо, те же рыжие волосы выглядывают из-под ворота. Страх сковал мужчину, даже вздохнуть не мог. А двойник оглянулся, посмотрел пристально в глаза старосты и растворился в воздухе, словно сизый дым. Девятко всё в стоявшего перед собою соседа вглядывался, пытался разглядеть подмену. Как узрел, что лицо старосты враз побелело, так встретился.

– Богдан, ты чего? Что с тобой? – переполошился парубок, стал за рукав трясти окаменевшего старшего.

– Ничего, – еле шевеля губами, обронил тот. – Забудь. Бывай!

На негнущихся ногах потопал Богдан к дому своему. Заглянул в горницу, обошел избу – нет голубки его. Перепугался староста, кабы чего с женою не случилось худого из-за двойника призрачного. Уже душа его затосковала, беду предвещая, да припомнил он, что бабы давеча собирались к проруби идти стирать белые ткани для саванов детских. Поспешил он к Язве, и правда, на берегу Ждана его в окружении других кумушек хлопочет. Отлегло от сердца, перевёл дух Богдан. Вдруг женщины подскочил, ткани побросали и от кромки льда отпрыгнули как от огня. Бросился хлопец к селянкам, растолкал кумушек да застыл как вкопанный. В проруби в ледяной воде утопленница покачивается, руки в стороны распла-

стала, волосы лицо, что водоросли, оплели, сорочка ночная на синюшном теле раздулась, словно парус на ладье. Язва же пленницу показала в проруби и дальше по течению неспешно погнала. Окинул Богдан взглядом ленту речную, что зимней стужей закована была. Мать честная! А по течению подо льдами другие покойники плывут: мужчины, женщины, дети, старики – все в светлых нательных рубахах, словно стая лебедей, клином в загробный мир мчатся.

– Это ж кузнец Михей с Верхнего, – прошептала одна из селянок, указывая на кого-то из покойников.

Тут кто из кумушек заверещал и бросился наутек, а кто на снег без чувств повалился. Паника охватила всех ясновцев, упились они досыта отчаянием, умылись слезами горючими. Старые в церковь ринулись молиться да заступничества у Богородицы выпрашивать, молодые же стали вещи второпях собирать, решили в город бежать. Ждана руки заломила, взмолилась:

– Уедем, Богданушка! Спасаться надо! Кряжичи сгинули, и нас та же участь ожидает.

– Что ты?! Как же я людей брошу?! А старики, а дети?! Это наша земля, наши дома отчие, здесь предки похоронены, – качал головой хлопец, совесть покоя не давала, не мог поступить лишь ради живота своего.

Выскочил он из дому на улицу, чтоб морозный воздух голову отрезвил, и вспомнил слова отшельницы о богах, что жизнями распоряжаются. Рванул староста к избе старухиной, влетел в сени, схватил её за руки сухонькие.

– Говори, мать, все как есть говори, – молвил Богдан и рассказал, что в лесу видел.

– Это капище, – почмокала беззубым ртом отшельница, – место поклонения забытым богам. Принесли божеству жертву кровавую на его земле. Это вотчина старых богов, люди здесь веса не имеют. Сильны их древние законы, жаждут они власти земной. Не будет нам покою, пока обряд не завершится. Нужно принести благую подать – корни да ягоды, а затем идола в реке утопить, смыть алчность кровавую. Не по сердцу это задание будет слабому, да не по зубам – бывалому, да не по карману – богатому, что сорит по дворам целковыми. Царство забытых богов – кромка между нашим миром и миром запретным для живых. Пройти через него можно лишь с бесстрашным сердцем и чистыми помыслами.

Нахмурился мужчина, тяжёлая дума на чело его легла. Долго ли, коротко ли, кивнул староста, мол, готов он к службе. Старуха в сундуке покопалась, в чугунках порылась да протянула ему узелок, в котором горсть брусники лежала и пучки высушенных трав – дар забытому богу. Поднялся Богдан, поклонился. В дверях бабка накинула ему на шею ладанку и перекрестила на добрый путь. Оглянулся, окинул взглядом напоследок родное село староста и скрылся в лесных зарослях. Полная луна взошла на небосвод, ярко освещала она чащу леса. Расступились дубы-колдуны, вышел на поляну Богдан к капищу. Смело ступил в круг, вынул из-за пазухи узелок и подошел к идолу. Тут из ельников стали волки выходить, окружили сплошным кольцом поляну, но в круг не заходили. Не рычали, не скалились звери лютые, только смотрели пронзительно своими очами янтарными на гостя непрошенного. Снял шапку хлопец, поклонился возвышению и положил подношение на камень с ледяной коркой.

– Не гневайся, хозяин лесной, – прошептал Богдан, – не с худыми мыслями к тебе явился. Прошу тебя о милости: усмири пыл свой, не наказывай мой народ. Мы люди простые, зла никому не желаем, да и взять с нас нечего, что имеем, все отдадим. Прими дар скромный да прости.

Вздыхнул глубоко он, достал из-за пояса топор. Сердце гулко стучало в груди мужчины, разгоняя горячую кровь по венам. Взмахнул топором и ударил по подножию деревянного идола. Затих вмиг лес, ни веточки не шелохнётся, только стук топора разлетается, и с каждым ударом отступали, пятась, волки в чащу леса. Подкосился идол и повалился в снеж-

ный плен. Богдан срубил крупных еловых веток, уложил на снег пушистые лапы и связал их крепко веревкой, а затем перекатил идола на настил зеленый. Утер хлопец пот со лба рукавицей, подхватил веревку и потащил свою ношу к речной заводи. Вышел на берег, спустился на лед, снова взялся за топор, стали ледяные осколки лететь во все стороны. Запыхался староста, скинул на снег тулуп, остался в одной рубахе. Торопился он, как мог, время к полночи близилось. Когда высек прорубь нужного размера, подтащил идола и опустил его в проём. Поднял голову яновец, а на берегу девица стоит в сарафане, расшитом золотой тесьмой да каменьями, косы смольные, что змеи, на груди покоились. Посмотрел Богдан в её очи бездонные, и таким холодом его обдало, что зубы застучали. Стал тонуть деревянный столб, в пучину водную опускаясь. В тот момент образ девицы, словно марево, закружился, и стала она стареть с каждой пядью идола, ушедшей под воду. Ссохлась кожа ее, что кора от дерева оторванная, морщины, словно рытвины, избороздили лицо, косы засеребрились, будто инеем покрытые, а дорогой наряд в черное рубище превратился. Отпрянул мужчина в суеверном страхе от берега.

– Что же ты такое?! Как звать тебя? – вопрошал он.

Простерла к нему руки старуха, распахнула губы и зашептала:

– Не чудище я. Давеча не ты ли меня о милости молил?! Что ж теперь бежишь без оглядки?! Величают меня...

Тут лед под ногами пятящегося Богдана треснул, и рухнул он в Язву, и сомкнулась над ним ледяная преграда. Покачала головой старуха и растворилась в лунном свете, будто и не было её. Когда же на берег вышли Тихон с парубками, что отправились на поиски старосты, на льду только топор да тулуп остались. А поутру в село грачи прилетели.

Примечание

* Использованы слова русской народной песни «Пряха».

Анетта Гемини, Кристоаль Хунта. Полуночный зов

Огромный дом чем-то походил на старый родовой замок – такая же мрачная каменная глыба на фоне предвечернего неба. К входу регулярно подъезжали автомобили, люди торопливо выбирались из них и, не оглядываясь, спешили к воротам витиеватой ограды, окружающей немалых размеров сад. Там, в глубине, меж сплетений крючковых ветвей неухоженных деревьев притаился упомянутый особняк. Станный дом, странные посетители, странная обстановка. В окнах горел электрический свет, но яркость его была настолько мала, что создавалось впечатление, будто рачительные хозяева экономят электричество, вкручивая в патроны слабенькие лампочки, едва-едва разгоняющие мрак коридоров и комнат. Тем не менее намётанный глаз вполне мог заметить такие предметы роскоши, которые сразу бы рассеяли малейшие сомнения в денежном благополучии обитателей особняка.

Пожилой мужчина вместе со всеми вошёл в широкие дубовые двери и, передав дворецкому пальто и шляпу, прошёл в обширную гостиную. Тусклые плафоны освещали массивный стол персон на двадцать, стулья с гнутым ножками и дорогие резные шкафы вдоль стен. Атмосфера была на редкость мрачноватой, и присутствующие, чувствуя её незримый гнёт, становились разговорчивей, пытаясь болтовнёй разогнать это неприятное ощущение.

Разговоры ненадолго стихли, когда по лестнице, ведущей на второй этаж, грациозно спустилась хозяйка. Какое-то время длились традиционные расшаркивания, затем беседа продолжилась.

Старик окинул скучающим взглядом разношерстную компанию, наполнившую сегоднешней ночью гостиную родового поместья хозяйки, или, как она себя любила именовать, Смотрящей во мглу. В этой пестрой группе собрались люди различных профессий и статусов: от дипломатов и заживевших представителей золотой молодёжи до простых тружеников и бедных студентов. Конечно, никто из собравшихся не раздавал визиток и не делился своей биографией, соблюдая главное требование клуба – инкогнито, но детали одежды и внешний вид спутников часто выдавали их положение в обществе. Сам Марк работал адвокатом в элитной юридической компании, его внешний вид должен был соответствовать размеру его гонорара, что доставался ему за ведение дел отъявленных экономических махинаторов. Однако он намеренно сменил дорогой костюм, полагающийся ему по долгу службы, на затертый простенький пиджак и брюки, превратившись в неприметного клерка.

Сейчас он уже и сам не мог припомнить, как попал в это сомнительное общество под громким названием клуб «Детей смерти». Возможно, он тоже в один прекрасный день пресытился обыденной суетой, и ему захотелось чего-то нового, волнующего и заставляющего почувствовать вновь вкус жизни. И вот по совету одного клиента, заметившего его пустой взгляд, он познакомился с хозяйкой, а через несколько дней вступил в ряды «детей».

Все началось привычно – с рассказов и баек о привидениях и нечисти. О них вещали юноши, стараясь тем самым произвести должный эффект на барышень. Марк в этой браваде, в силу своей зрелости, предпочитал не участвовать. Нет, он, безусловно, мог бы поведать всем о принципах улаживания формальностей с представителями местных кланов мафии, или рассказать о том, как расправлялись с должниками американские синдикаты. Но заявление о том, что в фундаменте любимого местным бомондом популярного театра замурованы несколько перебежавших дорогу его клиентам неудачников, явно не вызвало бы бурного одобрения.

Посему Марк сохранял молчание, ожидая, когда эта прелюдия завершится, и начнётся главное действие. Сейчас бы он не отказался от сигары и стаканчика бурбона, но... инкогнито-инкогнито. Он ещё раз пробежался глазами по привлекательному стану хозяйки. Смотрящая была молода, красива и эксцентрична, словно звезда кордебалета. Она всегда одева-

лась дорого и со вкусом и меняла наряды к каждому сеансу. Её немного дерзкая манера общения привлекала мужчин – он часто подмечал страстные взгляды мужской половины клуба, обращённые на хозяйку. Да, несомненно, смотрящая была привлекательна и манила к себе даже такого старика, как он.

– Ну что же, – произнесла владелица клуба, – пора...

Её голос показался Марку несколько испуганным, хотя кому-кому, но хозяйке опасность не грозила. Краешком глаза он заметил жемчужный отблеск там, в дальнем углу комнаты, куда не проникал ни один лучик света. Но стоило ему внимательней присмотреться, как сполохи, настолько мимолётные, что их можно было принять за плод воображения, исчезли. Тьма будто стала ещё гуще, протянула свои чёрные бархатные лапки к группе людей в центре комнаты.

Марк знал, что произойдёт дальше, но всё равно вздрогнул от неожиданности, когда волна холода обдала его затылок, и женщина напротив него заскулила тихо, как щенок, проснувшийся и не обнаруживший рядом мать. Взгляд её был направлен вниз. Казалось, что она рассматривает его дорогие ботинки, но Марк знал, что все её мысли заняты тем, что сейчас стояло за его спиной. Он судорожно сглотнул. «Не оборачивайся! Только не оборачивайся, кретин!» – твердил он себе, до крови вдавливая ногти в холёные ладони.

Кровь бурно заструилась по венам, подгоняемая изношенным сердцем. Да! Как он любил это чувство – смесь страха и адреналина, которая так будоражит мозг и щекошет нервы. В эти мгновения адвокат словно сбрасывал с себя старческую немощь, так подло иссушившую его тело. Именно за этим ощущением молодости и обновления он, словно рьяный праведник, стремглав мчался за десятки миль в это захолустье, в этот клуб, к его пастве, на эту тайную и жуткую мессу.

Звонящая тишина воцарилась в комнате. Никто из присутствующих не смел шевельнуться. Казалось, собравшиеся даже затаили дыхание, чтобы ненароком не спугнуть гостя глубоким вдохом. Призрак скользнул за спиной Марка и продолжил свой ритуальный круговой обход, лаская холодом затылки «детей». Адвокат знал, что нельзя смотреть в лицо призванного, ибо это грозило сумасшествием любопытствующему, о чем не забывала упоминать хозяйка. Сначала это предостережение вызвало у него скептическое хмыканье, да и рассказы о призванных он считал не более чем профессиональной мистификацией. Вступительный взнос и ежемесячные платы участников клуба были не малы. Марк не редко задавался вопросом: как свое членство удерживают малообеспеченные спутники? Видимо, их присутствие было на руку хозяйке – один из ее капризов, впрочем, это было еще одной загадкой клуба, сплошь окутанного аурой таинственности. За те баснословные деньги, что отчисляли «дети», подобные адвокату, Смотрящая могла позволить себе подобные прихоти и организовать любые спецэффекты, чтобы потешить своих клиентов. Но вся рациональность и здравомыслие, полученные за годы жизни бывалым юристом, рухнули, стоило ему впервые оказаться на сеансе. Этот сотрясающий озноб от присутствия потустороннего посетителя, его полупрозрачная сущность, парящая над полом, и ощущение липкого холодного пота, покрывающего все тело, стоило только призванному замереть возле тебя... Нет, всё это не могло быть спецэффектом. В их играх с миром мертвецов таилось что-то запретное, то, что они, заигравшиеся глупцы, постоянно тревожили, словно дразнили хищного зверя.

Тем временем потусторонняя сущность сделала круг и вновь оказалась за спиной Марка. Каким-то неуловимым чутьём он понял, что выбор пал именно на него. Понял он это за секунду до того, как она (то, что это была именно «она», он осознал позже), легко коснулась его затылка, повергнув в пучину боли.

Он был ею. Их сознания слились воедино, он видел последние минуты её жизни и ощущал тягучую смесь ужаса, боли и неземной, обволакивающей тоски. «До этого момента она ни разу не испытывала сильной боли», – догадался Марк. Он чувствовал, как она... нет,

именно он пытается прикрыться обезображенными руками от ударов. Мясо бордовыми лохмотьями свисает с предплечий, пальцы разбиты и вывернуты под немыслимыми углами.

Кто этот человек? За что он так нещадно избивает её... Его? Память призрака немедленно подсовывает образ: ласковый взгляд серых глаз; цветы, преподнесённые им, встречи на мосту влюблённых, новенький замочек, замкнутый на перилах. Неужели это он? Серые глаза смотрят с такой ненавистью... Прут поднимается и опускается с равномерностью паровой машины. Марк понимает, что следующий удар будет последним. Руки уже не слушаются. Голова остается незащищенной. Он задает ей мысленный вопрос и с ужасом осознаёт, что это она задала вопрос окровавленными губами: «За что?» В следующий миг прут врзается ей в висок. Адская боль, хруст и темнота.

Марк очнулся лежащим на полу. Над ним склонились лица «детей». В глазах любопытство и ни капли испуга.

Несколько минут ему потребовалось на то, чтобы выровнять дыхание, унять дрожь в руках и очистить от тягучей чёрной патоки разум, который всего мгновение назад бился в агонии. Кто-то из присутствующих поднял адвоката под руки с пола и усадил в мягкое кресло. Смотрящая услужливо преподнесла ему стакан с прозрачной жидкостью. Терпкий вкус рома, надо отметить, дрянного качества, обжег желудок, подарив истощенному перенесённой нервной встряской телу недостающее тепло и вытравив последние остатки паники.

Марк ощутил на себе взгляды несколько пар любопытствующих глаз. Спутники сгорали от нетерпения, желая узнать подробности обрушившегося на него слияния. Сейчас, находясь в роли Избранного или, как они называли, целованного смертью, он как никогда ранее осознал схожесть «детей» с падальщиками, пирующими на костях покойных, шакалами, что радостно крутят хвостами и заливаются мерзким визгом при виде истекающего кровью раненого животного. Они ждали, ждали своей порции ужасающих картин смерти несчастной женщины, боли её разбитого сердца. В эту минуту Марк почувствовал тошноту, подступающую к горлу, и чувство омерзения к членам клуба, да и к себе самому, такому же шакалу.

Действовать нужно было осторожно. Если бы Смотрящая узнала о том, что он задумал, она бы нашла способ его остановить. Марк небрежным движением поставил бокал на стол и подергал воротник рубашки, ослабляя петлю тугого галстука.

— Она сказала...

Восхищённый вздох последовал после его слов. Действительно, членам клуба было отчего придти в восторг. Призраки крайне редко давали информацию о местонахождении других сущностей, умерших мученической смертью. Как правило, Смотрящая призывала ограниченное их число. Никто не знал, сколько астральных имён есть у неё в закромах. Марку было известно о шести призраках, одним из которых и была та несчастная, забитая своим любовником. На его памяти ни разу призраки во время «поцелуя смерти» не называли имён, хотя Смотрящая каждый раз предупреждала о такой возможности.

Глаза хозяйки клуба загорелись алчным огнём. Она вплотную приблизила своё лицо к лицу Марка и взглянула ему в глаза, пытаясь уловить в них хоть малейшие признаки фальши. «Держись! — думал он с отчаянием. — Она не должна догадаться!» Только долгие годы адвокатской практики позволили ему выдержать этот взгляд.

С умением военного тактика на поле боя он подбирал слова. Мысли ворохом проносились в разгоряченном разуме, но он отчетливо осознавал, что любое неверное слово сулит гибель. Теневые инвесторы клуба были не последними людьми в этом мире, что можно было понять по хорошему оснащению особняка и той скрытности, что удавалось сохранять хозяйке. Как-то раз Марк проявил интерес к истинным владельцам клуба, попытавшись через лучших экономистов отследить перемещение внесенных им в фонд «Детей смерти» средств. Его ждало фиаско: специалисты лишь разводили руками и сообщали об очень хит-

роумной схеме потока денег. А через несколько дней после этих событий он получил недвусмысленно предупреждение, что не стоит чрезмерно любопытствовать. На порог дома ему подбросили мертвого чёрного кота. Кошки считались проводниками в потусторонний мир, ключиками к спиритизму, и он прекрасно понял, на что ему намекает этот «подарочек». Он осознавал, что никогда не сможет покинуть клуб навсегда по собственному желанию. Иного выхода у него не было. Глубоко вздохнув и напустив на себя взволнованный вид, он начал свой спектакль:

– Она назвала мне имя, – ропот и перешептывания спутников, – будущей жертвы, что погибнет нынче ночью.

– Потрясающе, – подхватила хозяйка, вошедшая в азарт охотника, напавшего на след дичи. – Едва отлетевшая душа подарит нам массу ощущений. Она станет новым связующим звеном с миром усопших. Мы познаем больше тайн. О мои дорогие друзья, будущая ночь будет незабываемой!

«Это точно», – с отвращением подумал Марк.

После сеанса взбудораженные члены клуба разошлись по комнатам, гостеприимно предложенным хозяйкой особняка. Впереди их ждало увлекательное приключение, ради которого стоило набраться сил и отдохнуть.

Марк поднялся на второй этаж, где располагались спальни и кабинет хозяйки. Он уверенно вошёл в заставленную книгами комнату.

– Смотрящая, мне необходимо переговорить с вами, – начал он.

– Вы произвели сегодня фурор, мой друг, – мурлыкнула она. – Вам стоит отдохнуть, вы бледны. Я могу что-то для вас сделать?

– Да. Я хочу покинуть клуб.

– Вы знаете правила, дорогой гость. Наш клуб – это не развлекательный салон, куда можно ходить, когда наскучит серость будней, и уходить, когда взбредет в голову.

– Я понимаю все последствия своего заявления. Я могу предложить достаточные отступные за своё исключение из членства.

– Нас не интересуют деньги, – фыркнула женщина.

– Я говорю не о материальном выкупе, – произнёс Марк, – а о сущности. Призрак – достаточная цена?

– Вы говорите о том имени, не так ли?

– Вы правы, – скрепя сердце сказал адвокат, – имя в обмен на свободу.

Смотрящая смолкла на минуту, оценивающим взглядом смерив мужчину. Затем вскинула голову, из-за чего её волосы роскошной волной рассыпались по плечам, и с нескрываемой улыбкой ответила:

– По рукам! Ночью вы назовете имя, я призову сущность, и после сеанса вы покинете клуб навсегда. Надеюсь, вам не стоит напоминать о неразглашении любой информации, связанной с «Детьми смерти».

Марк кивнул и поспешил скрыться в темноте коридора.

Пожилой мужчина устало опустился на кровать, жалобно скрипнувшую под его весом. Он положил руку на лицо, прикрывая глаза от лунного света, льющегося из окна. Перед глазами, как в калейдоскопе, стали мелькать образы. Вот он стоит у парадного входа красивого здания в викторианском стиле, улыбается и сжимает в руках огромный букет белых лилий. Эти цветы с пьянящим запахом безумно любила его дочь. Беатриса немного неуклюже, сказала, кесарево, положив руки на живот, спускается к нему. Рядом идёт нянечка в белоснежном накрахмаленном халате. Не зря он оплатил пребывание дочери в лучшем частном роддоме страны – здесь весь персонал выхолонный. Она протягивает ему сверток, где в ореоле из голубого кружева сопит крохотный человечек – его внук.

А вот он сидит в гостиной загородного дома, который они с ныне покойной супругой приобрели ещё на десятую годовщину свадьбы, и пьёт кофе. Марк наблюдает, как шофер заполняет холл коробками из автомобиля, Беатриса сетует на него за расточительность, всплескивает руками, говоря, что это пригодится ребенку еще через лет пять минимум. Да, тогда он скупил, наверное, пол детского магазина в подарок на первый день рождения Криса.

Вот они с пухленьким мальчонкой идут по зоопарку. Был жаркий день, Марк буквально вскипал в своём элитном костюме, а малыш с неподдельным любопытством крутил по сторонам головой, обрамленной мягким пушком волос, и восклицал «бу», глядя на медведя. А с каким восторгом пятилетний Крис гонял по небу воздушного змея, что он подарил. Тогда Марк чувствовал себя супергероем.

Вот он и Крис серьезные, в строгих костюмах, переступают впервые порог частной школы. Да, он был счастливым дедушкой до лета прошлого года.

Марк никогда не питал ложных иллюзий относительно своей работы. Он действительно был первоклассным юристом и, занявшись ведением грязных дел, связанных с отмыванием денег, обзавелся влиятельными и не совсем законопослушными партнёрами. Быстро сколотив приличное состояние, он получил в придачу немалое количество врагов. Покойная супруга часто предупреждала его, что он ходит по лезвию ножа. Но Марк был убеждён в простых и незыблемых истинах: деньги не пахнут, и есть средства – есть власть.

Очередной громкий судебный процесс по делу главы итальянского синдиката закончился для него покушением. Трупы негодяев, обстрелявших его «Бентли», были упакованы в пакеты и закопаны в одном из лесных массивов. Авторитетные клиенты высоко ценили его услуги и не терпели посягательств на «своих людей». Этот случай раз и навсегда вбил в голову Марка непреложный закон: неприкасаемых людей нет. Увы, это не могло изменить последствий. В тот злополучный день в машине вместе с ним был внук. По злему року судьбы Марк, который уже прожил достаточно длинную по его меркам жизнь, получил нетяжелые травмы, а его девятилетний Крис месяц провёл в реанимации.

Марк истратил тысячи долларов на лечение, выписывал из-за границы лучших врачей, но все было без толку. Внук был в коме, опутанный аппаратами для искусственного поддержания жизни. Надежда угасала с каждым месяцем. Беатриса прокляла Марка и его грязные деньги, даже пыталась запретить ему видеться с Крисом. Честно говоря, он и сам больше не мог видеть бездушное тело ребёнка. С отсутствием звонкого смеха внука жизнь для Марка потеряла смысл. Он работал, ходил в бары, ездил на встречи, как заводная кукла, а пустота внутри только разрасталась. И вот этот чертов Том Редвиф, со своей дурацкой идеей расшевелить его, дал визитку клуба «Детей смерти». И понеслась... Марка затянуло в эту пучину порока, он, так же как и все «дети», словно вампир, питался ощущениями от слияний, пока сам не стал Избранным. Только сегодня он осознал всю мерзость этого хобби. И что теперь?! Он готов продать душу собственного внука, чтобы спасти свою гнилую шкуру. Кажется, пасть ниже уже некуда.

Весь день он проматывал в памяти эпизоды жизни Криса и глупо улыбался. Когда же солнце село, он собрался на сеанс. Около лестницы его встретила Смотрящая, как всегда бодра, свежа и элегантна. Она взяла его под руку, и они спокойно спускались по лестнице в гостиную.

– Итак, вы готовы назвать мне имя? – ласково прошелестел её голос.

– Кристофер Барлоу, – выдохнул Марк.

Сеанс начался в восьмом часу вечера. Снова тёмная комната, снова шум ветра и шорохи за окнами. Марк сидел полуприкрыв глаза. За прошедшие сутки он взял себя в руки, и теперь ни один мускул на его лице не указывал на то, что он чем-то взволнован и угнетен. Хозяйка забормотала чуть слышно слова призыва. Почти сразу стало ясно, что события стали развиваться не по обычному сценарию. Темнота резко озарилась, будто за спинами «детей»

зажгли прожектор. Никто не рисковал оглянуться. Те, кто сидели лицом к призраку, привычно опускали глаза. Холодом от сущности не веяло – наоборот, спину Марка опалило жаром. Он весь сжался, ожидая прикосновения замершей за его спиной души. Эта минута показалась адвокату самой длительной в его гнилой жизни, но призрак неожиданно проследовал дальше. У дальнего края стола он остановился, словно в задумчивости, и... двинулся в сторону хозяйки. Этого не ожидал никто. Десятки взглядов устремились в его сторону, благо в этом положении призрак находился спиной к присутствующим.

Смотрящая задрожала всем телом и тонко заверещала. Странно было наблюдать эту «Снежную королеву» в таком виде. Маленькая детская фигурка шаг за шагом приближалась к женщине, а та, опрокинув кресло, уже прижалась к стене. По лицу её катились слёзы, рот был перекошен, и вся она дрожала, как лист на осеннем ветру. Призрак коснулся её, и в тот же миг произошли сразу два события. Во-первых, хозяйка застыла, словно её в мгновение парализовала неведомая сила, во-вторых, фигурка исчезла.

Хозяйка, находясь в каком-то трансе, вновь забормотала слова призыва. Комнату окутало привычным могильным холодом, а за спинами адептов мерзкого культа вспыхнуло жемчужное сияние. Тихий ропот гостей заставил Марка на миг оторвать взгляд от Смотрящей. То, что предстало его взору, было настолько шокирующим, что старый адвокат похолодел от ужаса. Шесть молчаливых светящихся фигур окружили кольцом сидящих. Души людей, погибших мученической смертью и насильно вырванных из страны забвения, чтобы пощекотать нервы любителям острых ощущений. Души, которые в этот раз не собирались плясать под их дудку, это поняли все адепты, призванные явились ради мести. Тело хозяйки била дрожь, словно ее охватила лихорадка. На её лице не было ни кровинки, глаза, подернутые белой поволокой, слепо смотрели в пустоту. Призрачные фигуры сомкнули свой круг возле ее кресла, и когда они потянулись к ней своими полупрозрачными пальцами, стены комнаты сотряс полный тоски женский крик. Не было в этом крике ничего человеческого. Это был крик жертвы, терзаемой и пожираемой заживо неумолимым хищником. «Дети смерти» вскочили со своих мест, опрокидывая стулья. Марк явственно видел, как призраки втекают мерцающим туманом в тело женщины, а из глаз хозяйки, прокладывая алые дорожки на мертвенно бледном лице, бежали кровавые слёзы. Ужас, охвативший членов клуба, выгнал их в коридор. Лампы и настенных бра замигали во всем доме, пульсируя подобно светлячкам. «Дети» толкались, сбивали друг друга с ног, подгоняемые гортанным воем хозяйки. За спинами беглецов внезапно с громким хлопком полопались лампочки, щедро рассыпая искры на дорожную мебель и портьеры. Полыхнуло так ярко, будто кто-то обильно облил комнаты бензином.

Старик мчался прочь от здания клуба сквозь сад, не обращая внимания на сухие ветви деревьев и кустов, что хлестали лицо и руки, царапая и сдирая кожу. То ли наитие, то ли голос, прозвучавший в его голове, заставили адвоката оглянуться. Там, возле горящего дома, стоял мальчик. Он сразу узнал эти заострившиеся черты лица, худое тельце, изъеденное болезнью. Это, без сомнения, был его Крис. Внук был в той самой больничной рубашке, которую старый адвокат видел на нём в последний свой визит. Разорванный шланг капельницы свисал с предплечья. Тело ребёнка последовало за отнятой душой, которую ради прихоти адептов отдал на растерзание любимый дедушка. Дрожащий от ужаса Марк упал на колени, из глаз брызнули слёзы. Мальчик замер на некоторое время в полыхающем дверном проёме, затем вошёл в горящий дом, плотно прикрыв за собой дверь. В тот же миг все окна особняка с громким хлопком лопнули, выпуская на волю алчущие языки пламени.

Выдержка из заметки в «Чикаго таймс» от 30.06.1932г.

«...Здание выгорело до основания. Тел погибших не обнаружено. Причиной пожара, предположительно, явилось короткое замыкание в электропроводке. Как сообщают мест-

ные жители, в особняке уже более пятнадцати лет постоянно никто не проживал, также они отмечают, что замечали автомобили, подъезжавшие в определённое время к территории поместья. Ходили слухи, что там собирались подозрительные личности: то ли фальшивомонетчики, то ли наркodelьцы, то ли боссы мафиозных синдикатов. По факту возгорания и поступивших сообщений будет проводиться расследование».

Светлана Зотова. Последняя битва

Тусклый свет умирающего дня сочится сквозь окна моего дома. Холодно, как мне холодно...

– Сигрид, принеси пива и шубу! – кричу я, и голос срывается на сип, а кашель сотрясает мне грудь.

Холод обступает меня, как тёмные равнодушные волны взморья. Я с шумом выдыхаю и не вижу облачка пара. Мою кровать поставили в самую тёплую часть дома, я смотрю на очаг и задорно пляшущие языки пламени, но лишь тоска гложет моё сердце... этот холод, хватит себя обманывать, Эйрик, ты знаешь, откуда этот холод. Твоя кровь уж не греет больше, и ты знаешь, что время твоё пришло...

– Чёртово семя, Сигрид, долго тебя ждать!

Приходит Сигрид, шаркая немощными ногами, старая, высохшая и тёмная, как вяленая акулятина. Она жутко улыбается, зияя тёмным провалом беззубого рта, стараясь поворачиваться ко мне зрячей стороной, половина лица её прикрыта платком, чтобы никто не видел другой глаз – молочно-белый, слепой и омерзительный, как метка самого дьявола.

Я кутаюсь в шубу и пью разогретое пиво, почти не чувствуя его вкус. Ничто не может согреть меня. Ледяная кровь едва движется в моих жилах.

– Проваливай, старая, – мрачно говорю я, и всё-таки улыбаюсь Сигрид. – Скажи Олаву, пусть едет к епископу Гуннару, скоро я покину этот мир, и только ему я хочу исповедоваться перед... перед смертью, – слово чёрной змейкой выскальзывает из моих уст, и я морщусь – страх когтистой лапой сдавливает мне сердце.

Сигрид поспешно уходит, охая и причитая. Но я уже не смотрю на неё. В моих руках книга, та самая, благодаря которой меня все боятся и почитают здесь, в Сельвоге, и далеко за его пределами. Глаза мои любовно скользят по рунам, гальдрставам и распятиям-розу-кросам, я листаю страницу за страницей... многие глупцы думают, что достаточно найти нужные руны и слова заклятия, чтобы творить колдовство. Как они наивны! Но стоит ли убеждать их в этом?

Я тихонько смеюсь, тяжёлая шуба на моих плечах совершенно бесполезна. Я всё ещё чувствую себя ледышкой, и всё же тихая радость, как полузабытый тёплый порыв весеннего ветра, касается моего уставшего сердца.

Воспоминания, словно назойливые колдовские мухи, вьются перед моим внутренним взором. Я не могу остановить этот поток, это мельтешение, и отчаяние вползает в мою душу как отравы. Только тот, кому суждено скоро умереть, вспоминает всю прошедшую жизнь так живо, в таких подробностях...

Все это началось давным-давно, шестьдесят лет назад, когда я приехал в Сельвог, чтобы принять приход от своего предшественника, старого Вигфуса – приход и его жену по договору. Я стар, и все, кого я знал во времена своей юности, умерли, лишь дряхлая Сигрид, и Бьяртни, что окончательно толкнул меня на путь колдовства, ещё живы.

Ноги мои ослабели, и я снова лёг, прямо в шубе, накрывшись поверх одеялом из тюленьих шкур, а книгу я взял с собой, и странное дело – я почувствовал тепло, идущее от её страниц. Легкое, едва ощутимое, оно ласкало мои бескровные, бесчувственные пальцы, поднимаясь по рукам и проникая в грудь, и я вдруг понял, что, возможно, есть шанс, если я снова обращусь к нему, хоть и страх всё ещё сжимал моё сердце.

Я уснул, и мне снова снилась она, прекрасная Турдис, та, что была служанкой вдовы Вигфуса, безобразной, иссохшей, как земли хейди Торкатлы. Я велел привести её, чтобы испытать – не ведьма ли она. Душа моя страдала и металась: прекрасная, златовласая

Турдис внешнею своей была чистый ангел господень, но по повадкам – истинная ведьма, что наводила мороки и разжигала тёмное, адское пламя блудного огня. Я говорил с ней о злом колдовстве, но она всё отрицала, тогда я сказал, что она должна положить руку на библию, коснуться святых даров и произнести символ веры. Она всё исполнила, и всё же сомнение поселилось в моей душе, а возжеление и нечистый огонь не покидали меня и, подобно адскому червю, точили каждую ночь. Турдис стала пропадать на своём хуторе и перестала посещать церковь, тогда я велел связать её и привезти в Сельвог, потому что ведьмы хитры и коварны, а было еще одно средство, и я хотел окончательно убедиться, не ведьма ли она. Известно, что дьявол сожительствоует с ведьмами и поселяется внутри их тела, и я должен был осенить крестом её лоно, тогда дьявол, если он проник в Турдис, не выдержит и выползет из нутра девушки мерзким чёрным аспидом.

Её руки были накрепко связаны верёвкой, а сама она висела, едва касаясь пальцами ног пола, подвешенная к потолочной балке мрачной, холодной бадстовы в лачуге пастуха Снорри, жирного и вечно голодного увальня, что ходил за овцами за малую плату и постоянно жевал огромные куски баранины. Она сопротивлялась мне и пыталась кричать, унижая моё достоинство и подстрекая меня на блуд, но я всё-таки сорвал её обноски и упал на колени перед немыслимой красотой Турдис.

– Нет, нет, — кричала она, — не трогайте меня, в вас вселился дьявол!

– Я не стану причинять тебе вреда, — сказал я и обнял Турдис за бедра, целуя её лоно. — Ты должна верить мне, Турдис, — хрипло сказал я, — этого хочет сам Господь!

Мягкие шелковистые волосы, что прикрывали её женское естество, касались моих губ, а дивный запах весеннего туна щекотал ноздри. Мне казалось, что я в раю. Она стала дёргаться и раскачиваться и ударила меня коленом по лицу, и в этот момент меня бросило в лихорадочный жар, и мутная волна возжеления накрыла с головой.

– Ах ты, мерзкая шлюха, ведьма, морок на меня вздумала наводить! – в отчаянии крикнул я.

Она плюнула мне в лицо, её глаза пылали ненавистью, а вокруг головы клубилось сияние чёрного нимба. Я ударил её по лицу распятием, и дьявол, что жил в Турдис, выбил его из моих рук. А потом я сошёл с ума, так оказался силен нечистый: грубо мям её белоснежное тело руками, губы мои ласкали крохотные розовые соски, а язык скользил по округлым холмам девичей груди. Турдис сопротивлялась, но что она, связанная, могла сделать?

– Ты будешь моей, Турдис, я изгоню из тебя дьявола... – шептал я на ухо девушке.

Но Турдис ничего не могла ответить мне, потому что я заткнул рот тряпичей ведьме, чтобы она не могла изрыгать свои заклятия... Естество моё вздыбилось, повинувшись чертовке в облике ангела. И я был на волоске от падения, хоть и не понимал тогда этого. Она лягнула меня в пах ногой и оборвала веревку, казалось, сам дьявол помогал Турдис.

Девушка выскочила из бадстовы и судьба её была предрешена. Она хотела дойти до родного хутора, зимой, ночью, без одежды... смерая свой путь с обманчивым, холодным светом полной луны. Мы искали её несколько дней и нашли замёрзшую в хейди. Обнажённая, с распущенными золотыми волосами, она лежала на искрящейся, полупрозрачной глыбе голубого льда. Турдис улыбалась, а глаза её бесстрашно смотрели в небо: ни веревки, ни тряпицы при ней не было. И тогда я понял, что она никогда не была ведьмой, что дьявол нашел путь к моему сердцу, и я погубил её, а может, и себя...

Я проснулся от того, что был весь в поту, меня то знобило, то палил сухой, злой жар... Лихорадка пришла на смену вымораживающему холоду. В груди клокотало и свистело, я едва мог дышать. Страх немного отступил. В конце концов, я знал, что меня ждет, и знал, что это справедливо. Турдис была лекаркой, целительницей. Как повитуха, принимала роды, могла вырезать пулю из раны, так что человек не истекал кровью и не начинал гнить. Её дух пришел ко мне в первую же ночь, как мы обнаружили тело девушки. Скотта Турдис везде

таскалась за мной, многие её видели и разбегались в ужасе. Она молчала и не причиняла мне вреда, хотя первое время я дрожал от страха, что она придушит меня во сне, как это делают многие драуги. В Сельвоге были те, кого считали духовидцами, что таились и не хотели говорить о своём умении, они опасались обвинения в колдовстве. Я изрядно потрудился, чтобы разговорить их, посулив за способ избавиться от фюльгьи золото, но никто не хотел меня даже слушать. И только старый рыбак, мрачный и молчаливый Хаук, сказал, чтобы я сходил к одному колдуну из Бискупстунги, который весьма сведущ в обращении с драугами.

Когда мой пони прискакал в Бискупстунгу, выяснилось, что старик-колдун умер и помочь мне некому.

— У него была колдовская книга, — сказал мне один из бондов.

— Старый хрыч унёс книгу в могилу, и никто не решится тебе помочь достать её оттуда, — прищурившись, произнёс бонд.

И тогда я понял, что пропал. Колдун наверняка наложил проклятие на книгу или даже стал драугом. Я знал, что драуги днем спят в могиле, а ходят всегда по ночам, поэтому пошёл в сумерки на могилу колдуна. Могила не была потревоженной, свежих следов могильной земли я не увидел, и в моём сердце поселилась надежда, что всё-таки старик не стал драугом и не гуляет по округе. Я разрыл могилу и увидел скелет со следами полусгнившей плоти, что чёрными и красно-коричневыми лентами оплетала кости рук, ног и ребра колдуна, а также множество могильных червей, что шевелящимся белым ковром укрывали остальное тело. Жуткий смрад поднимался над мёртвым колдуном. Я палкой разворошил останки и нашел книгу, вернее, несколько страниц, усеянных непонятными мне тогда знаками и богомерзкими рунами.

Я стёр отвратительную слизь с пергамента и дёрнулся в ужасе, когда почувствовал сильнейший порыв ветра в спину. Когда я обернулся, то сердце моё затрепетало: высокий, черный, одноглазый, он стоял, почти не шевелясь, и смотрел в упор на меня. То ли шерсть, то ли грубосшитые шкуры покрывали его плечи, в руках он держал рунный посох из куска плавника, и я видел, как мертвенно-зелёным светом мерцают вырезанные руны.

— Ты пришел за мной? — спросил я, и голос мой дрожал.

Одноглазый не ответил.

— Я погубил Турдис, я сам открыл своё сердце дьяволу, — говорил я, заикаясь. — Ты дьявол, ты пришел за мной?

— Нет. Я не дьявол, — сказал одноглазый, ухмыляясь.

— Я Игг, и я пришел помочь тебе, — продолжил одноглазый, бросая мрачный взгляд на развёрстную могилу.

— Зачем ты помогаешь мне? — пролепетал я.

— Затем, что теперь ты будешь служить мне и всем старым богам, а не только этому вашему небесному конунгу Иусу, — сказал Игг.

— Нет! Я служитель христов, я не могу! Ты — Дьявол! — крикнул я, понимая, что гибну.

— Выбор за тобой, — вновь ухмыльнулся Игг, — этот колдун очень силен и злопамятен, и он не даст тебе вернуться в Сельвог живым.

Я в смятении смотрел на останки колдуна, а Игг подошел ближе и зашептал, жуткий этот шепот, казалось, проникал мне в душу.

— Заберу ли я тебя или нет, зависит только от Турдис, — шелестел жуткий голос. — Если она простит тебя, то выбор останется за тобой.

И тогда я смирился. Игг учил меня, как поднимать драуга, как подчинять его, он пел и шептал, и руны на страницах колдовской книги оживали и наполнялись смыслом.

В полночь я увидел, как колдун встаёт из могилы: черви осыпались с него, падая к ногам колдуна, мерзким, шевелящимся белым крошевом, драуг вроде бы ничем не отличался от живого человека, не было видно даже следов гниющей плоти. Передо мной стоял

хмурый старик, одетый в красно-коричневую кожаную куртку и штаны, руками он шарил за пазухой куртки, словно что-то искал. Бледная, непорченная могильными червями кожа на его лице светилась в неверном свете луны, а глаза, совсем живые глаза, зло уставились на меня.

– Это ты забрал мою книгу?! – отрывисто гаркнул колдун.

И хоть я знал, что меня ждет, когда читал заклятие, поднимающее друга, которое мне сказал Игг, но всё-таки ужас будто железной цепью оплёл моё тело. Я неуклюже шагнул колдуну навстречу, чуть не наступив на подол длинной белой сорочки, что дал мне Игг, и схватил колдуна за плечи, и начал облизывать его нос, а затем рот, проглатывая прозрачную, омерзительную на вкус слизь, что покрывала кожу друга. Пока я делал это, друг стоял смирно, словно зачарованный. Но вот вся мёртвая слизь была проглочена, и я почувствовал невиданный прилив сил.

– Хватай его! – крикнул Игг. – Не дай ему опомниться!!!

Я схватил колдуна и начал валить на землю, чтобы подчинить себе. Он с легкостью вырвался и нанёс удар кулаком мне в голову. Я еле успел увернуться. Колдун обхватил меня за пояс и кинул через бедро, я упал на край могилы, оглушённый ударом... Мы боролись какое-то время: друг был безумно силен и ловок, он разбил мне скулу и теснил к краю могилы. Игг сидел на пригорке и внимательно следил за поединком. Друг опять схватил меня и сжал так, что затрещали рёбра, и я закричал от боли... Игг засмеялся, вскочил и ударом своего исполинского кулака свалил друга на землю.

– Теперь он твой, – сказал Одноглазый. – Скажешь ему, чтобы лежал в могиле смирно и не докучал тебе, и так и будет. Но больше я помогать тебе не стану, сам будешь бороться с друзьями. Есть, правда, и другой способ... – Игг снова ухмыльнулся, — опасный способ, но против викингов и силачей он сгодится, бороться там не надо...

Опять пришла Сигрид и стала вновь причитать и плакать.

– Может, позвать Гуннхильд? – робко спросила Сигрид. – Говорят, она лечить умеет...

– Твоя Гуннхильд только ягнят холостить умеет, – буркнул я, и понял, что не дождусь епископа Гуннара. Пальцы мои словно приросли к корешку книги: самые первые страницы от колдуна из Бискупстунги, потом страницы, найденные в могиле Йоуна Йоунссона старшего, самого сильного колдуна из Сельвога, что хотел известить меня со своим сыном Йоуном, страницы с заклинаниями, что открыл мне сам Игг, гальдрставы, что я начертил собственной рукой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.